

СМЕНА

Ильин

13

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХОДИТ СЧАСТЬЕ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Слова А. СУРКОВА. Музыка В. СЕРЕЖНИКОВА.

Уверено

мы гнали
За нас до нас палисадник молодой, но расцвела. Ходит
Жизнь как зор
она, там где-то рядом по о. но. ты. до. се. ла. Ходит до. же. по. ло.
та. я. не. хо. жу. не. жи. в. ку. сти. Ходит ра. до. сть, вы. шле. та. в. ко. ги
из. пу. ду. ло. ца. ты. Ходит ра. до. сть, вы. шле. та. в. ко. ги
Для солдатов | Для матушек
ты. вы. шле. та. в. ко. ги. | Я. мой. и. за. то. бой.

За высоким палисадом
Земляника расцвела.
Ходит счастье где-то рядом
По околице села.

Ходит доля золотая,
Не хоронится в кусты.
Ходит радость, заплетая } 2 раза
В косы девушкам цветы.

Наша песня звонком чистым
К тихим звездам летит ввысь,
Соловьиным пересистом
Сердце сердцу отзовись.

Нам навстречу с небосклона
Звезды сыплются дождем.
Мимо дуба, мимо клена } 2 раза
Мы по улице идем.

Нашу радость над равниной
Сторожит высокий вяз.
В полночь песней соловьиной
Темный бор встречает нас.

Расцветает над оврагом
Колокольчик голубой.
Ходит счастье легким шагом } 2 раза
Вслед за мной и за тобой.

На первой странице обложки: Комсомолка Ганга Васильева, старшая Калининского вагоностроительного завода, довольна: сегодня она выполнила норму на 150 процентов.
Бачество сварки отпущено! (См. на стр. 3 этого номера очерк В. Зорина «Бесполовые сердца»).
Фото Е. Дюва и А. Вулман.

На второй странице обложки: Фотохуд В. Туквела.

На четвертой странице обложки: Летним днем в спортивном городке Еревана.
Фото И. Коружего.

ОТ ЭМ ДАС НА ЗАВОДАХ

Не так давно я получил небольшое письмо от учеников одной из харьковских школ. Выпускники десятого класса просили меня привезти к ним и рассказать о своей работе, о специальности фрезеровщика, о заводе. Такие приглашения я получаю довольно часто и откликаюсь на них охотно. Мне понятно стремление молодых людей послушать кадрового рабочего. Не раз на этих встречах я замечал, с каким жадным вниманием юноши и девушки слушают меня. И в то же время часто убеждаюсь, что мало, очень мало знают школьники о производстве, плохо представляют себе жизнь и работу на заводе. И это заставляло меня задуматься.

Каждый год сотни тысяч молодых людей оканчивают среднюю школу. И хотя перед ними открыты самые широкие дороги, многие из них видят только одну — прямо со школьной скамьи в институт. А есть такие, которые еще толком не решили, кем же им быть, куда идти. Жизнь они знают плохо, собственного опыта у них мало, и начинаются бесконечные раздумья и колебания.

Не раз мне приходилось слышать всякого рода сомнения относительно работы на заводе. Один считает, что специальность рабочего не дает достаточных возможностей для роста, другие опасаются, что труд у станка лишает их возможности учиться дальше, третьи полагают, что на производстве мало возможностей для творчества. Но чаще всего юноши и девушки рассуждают так: за годы учебы в школе у них накопился определенный запас знаний, а на производстве не найдется для этих знаний достаточного применения.

Иные прямо спрашивают: — А зачем мне становится рабочим? Эх, что ли, меня учить здесь ват!

С молодыми людьми, ищущими себе дорогу в жизни, я и хотел бы поговорить через молодежный журнал «Смена». Когда-то и передо мной вставал волнующий вопрос: кем быть? Помню, в 1936 году, когда я еще учился в седьмом классе, преподаватель привез нас на Харьковский тракторный завод. Это была обычная экскурсия, но она-то и

В дни Всесоюзного совещания работников промышленности в Кремле встретились молодые нефтяники, металлурги, машиностроители, шахтеры. Они обменялись адресами, чтобы завязать дружескую переписку.

определила поворот в моей жизни. Завод понемалу ошеломил меня грохотом молотов, гудением станков и машин. Но постепенно в разногласии звуков я стал угадывать четкий и слаженный ритм работы тысяч людей. Долго простоял я возле фрезерного станка, на котором совсем еще молодой паренек так ловко работал, что нельзя было не залоботать его четкими, уверенными движениями.

— Что, парень, интересно? — крикнул мне фрезеровщик. — Поступай к нам, мы тебя тракторист научим делать!

Я смутился и пробормотал в ответ что-то неразумительное. Однако слова фрезеровщика, как говорится, запали мне в душу. Я впервые всерьез задумался о своей будущей жизни.

А тут еще довелось мне прочитать в «Комсомольской правде» статью Надежды Константиновны

Крупской «Выбор профессии. До сих пор вспоминается мне слова этой статьи: «Мы должны бороться с первичным старым взглядом на физический труд, как на нечто такое, на что обречены проклятием божьим миллионы людей. Должны бороться со стремлениями во что бы то ни стало попасть в вуз, «выйти в люди», в инженеры. В этом стремлении иногда отражается старый взгляд на людей «от станка».

Продолжение всех строк, соединяется!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1955 год.

Год
издания
32-й.

зглянул сверху вниз на людей, занятых физическим трудом. А ведь сказано, что физический труд никогда не пугал меня. Наша семья была рабочей, и меня с детства учили уважать труд. Работать на производстве, своими руками создавать трактор, столь нужные стране,— это желание окончательно определило мою судьбу. Еще не зная точно, кем я буду, но со специальностью, я твердо решил стать рабочим.

Поступил в ФЗО, постиг основы фрезерного искусства.

Конечно, это было только началом. В первые дни работы на ФЗО, на заводском заводе я, выпускник ФЗО, честно говоря, ничем особенно не мог похвастаться. Старался не допускать брака, тщательно оттачивая каждую деталь, но до норм мы достигли не никак не удавалось.

А тут еще мой сосед по цеху Федор Бажан, тоже новичок, подумал:

— Чего ты так копнешь над каждой деталью? Я вот, смотри, запросто план выполняю. Все равно после нас слесаря все детали доведут бугат.

Наш разговор услышал мастер Михаил Михайлович Козлов.

— Ты, Федор, задал он хвастаться,— сердито сказал он.— Слесари, конечно, детали доведут, а вот тебе брак до добра не доведет. У рабочего человека гордость за свою продукцию должна быть. С наска, абы как, специалистом не станешь. Стало бы, Лупандицу у тебя учиться нечему.

Скоро я стал выполнять норму, а затем и превалил ее. Работа фрезеровщика нравилась мне все больше и больше. Дошло и до того, что меня даже хвалили начальники. Однажды я с гордостью ушел из свой портрет на Доске Почета. Казалось бы, чего еще осталось мне желать? Но жизнь рано научила меня простой истине: остающийся — отстичи. Уже в ту пору мне были известны случаи, когда люди, достигшие некоторого успеха, забывавшие, переставали расти, топтались на месте и постепенно превращались из передовых в отсталых.

Такая перспектива меня, конечно, не прельщала. Мне было ясно, не прельщаясь, я буду стараться совершенствовать свое мастерство. Однако моих знаний оказа-

лось недостаточно для этого. А ведь было время, когда, подобно многим ювкам, мне по неинициции казалось, что смеялного образования для рабочего вполне достаточно. Но опыт работы у станка показал всю несостоятельность такого взгляда. Пришлось снова засесть за школьные учебники, кропотливо пробовать вычерчивать быстрого и грамотного чтения чертежи, изучать свойства металлов, решать задачи по математике, знакомиться с принципом работы металлорежущих станков. И настоящей учеба прошла впрок: я стал глубже разбираться в деле, в совершенстве постигать свою специальность. Именно в это время мною были предприняты первые попытки внести что-то новое в свою работу.

Фрезеровщик нашего завода издал за день помыслился с одним и теми же фрезями. Набор их был ограничен. И вот мне пришла в голову мысль: «А что, если создать новые образцы фрез, придать решущему инструменту другую форму?» Мысль была заманчивой, и мне снова пришлось засесть за учебники. Наконец я решился изготовить новую фрезу. Результат превзошел все мои ожидания. Выигрыш во времени был огромный, резка повысилась производительность труда.

Окрыленный этим успехом, я почувствовал, что смог бы стать рационализатором. Но это требовало еще больших знаний. И я продолжал учиться не только по книгам, но и у новаторов.

Учусь я и по сей день. Внимательно слежу за всеми достижениями науки, переимаю опыт передовиков производства. Без этого вряд ли мне удалось бы понабраться овладеть техникой. На своем станке я применил силовое резание металла по методу В. Колесова, «летучие» фрезы профессора Я. Костюкова, скоростное фрезерование. Но, применяю новые методы, а в то же время старюсь совершенствовать их, придумать что-нибудь еще новое.

Приведу хотя бы такой пример. Наклонные плоскости очень сложные для фрезерной обработки. Долгое время нам, фрезеровщикам, не удавалось точно установить деталь под определенным углом. Чего только мы не применяли: и тиски, и клинья, и пово-

ротный стол,— но ничего путного из этого не получалось. Тогда я попытался подойти к делу совсем по-другому — приспособил для заправки ступенчатую призму. Это корисным образом упростило обработку сложных моделей. Но разве у меня получилось бы что-нибудь, если бы не знание тригонометрии? Значит, недаром столько нововыв проведено за учебниками!

Нет, не правы те молодые люди, которые считают, что достигнув общего образования — это слишком много для рабочего, что они не найдут на производстве применения своим знаниям. Правильнее современного производства такое, что рабочий должен знать физику, алгебру, тригонометрию, черчение — это есть основы дисциплин, которые изучаются в средней школе. И, конечно, выпускник девятиклассника, пришедший на завод с обширным багажом знаний, быстрее освоится на предприятии, высокой квалификации, новатором и рационализатором производства. Немало бывших школьников, которые в прошлом году поступили на завод, сейчас успешно трудятся в разных цехах. Им гораздо легче овладеть специальностью, они лучше осваивают сложную современную технику.

Работа у станка вовсе не исключает всестороннего и разнообразного приложения знаний. Наборот: совершенная учеба углубленная работа над собой приводит к дальнейшему росту. Десятки вечерних рабочих стали на заводных предприятиях, инженерами, фрезеровщиками Черканин — теперь техником, бывший рабочий Лябко — начальником цеха. Рост эти и другие рабочие стали замечать благодаря тому, что они учились без отрыва от производства, так же, как сотни других учатся сейчас в вечерних школах, техникумах, институтах.

А как заблуждается тот, кто считает, что у рабочего мало проработает для творчества! Вот уже двенадцать лет я работаю фрезеровщиком-металломоделщиком. Но разве сегодня моя специальность меньше нравится мне? Нет, я еще больше люблю ее, и она всегда будет интересна для меня. Подобному вкусу и увлечению чужие люди могут позавидовать. Но фрезеровщик из простой чугуниной или алюминиевой чушки выточит любую модель детали.

Вот уже двенадцать лет я работаю фрезеровщиком-металломоделщиком. Но разве сегодня моя специальность меньше нравится мне? Нет, я еще больше люблю ее, и она всегда будет интересна для меня. Подобному вкусу и увлечению чужие люди могут позавидовать. Но фрезеровщик из простой чугуниной или алюминиевой чушки выточит любую модель детали.

Настоящий мастер никогда не замыкается в рамки узкой специальности. На заводе каждому предельно важно расширять свои познания для новаторских дерзаний. За примерами ходить недалеко. Являясь на заводе, я сразу же овладел гусеничного трака сначала оттачивал во времяную земляную форму. Затем модель проходила длительную и трудоемкую фрезерную и слесарную обработку. Слесарь Ставицкий я предложил отлить трак в кокиль, то есть в постоянную металлическую форму. Сначала и я слышу предложение отнеслись недоверчиво: допустим ли, мол, в корне изменить давно установленную технологию? Но мы устояли, наметили и добились успеха. Результат по-

лучился просто поразительный. После кокильной отливки фрезерная обработка сократилась в четыредцать раз! Это значит, что теперь для изготовления трака три раза и заработал за смену почти тысячу рублей. Наше предложение давало возможность сэкономить много энергии. По цеху экономия составила восемьдесят тысяч рублей. Таким образом, замена сложной и дорогой отливки в кокиль такой модели трактора был заменен простым и дешевым.

Для человека пытливого и начекающего производство открылись большие возможности. И мне, кадровому рабочему, обидно за тех юношей и девушек, которые, испугавшись трудностей, не идут в производство. Такой заводщик канцелярии, я вовсе не хочу охаивать работу служащего, но всем известно, что именно рабочий создает ценность, которую мы так высоко ценим, которым пользуются люди в своей повседневной жизни. И пусть никогда бывае первое время новичку, но зато в дальнейшем он останется со временем увидеть плоды своего труда: сложные механизмы, мощные, совершенные машины! Денежные винтики, сделанные своими руками, приносят человеку огромную радость.

Много раз предлагали мне пойти на руководящую работу, но я твердо решил остаться фрезеровщиком. И теперь несколько не жалую об этом.

Недавно Центральный Комитет нашей партии и Советский правительстве собрали в Кремле совещание работников промышленности. Обсуждали вопрос о путях дальнейшего развития советской тяжелой индустрии. На трибуне зала заседаний бурлила речь министра, кузнец — академик, фрезеровщик — директор завода. И мы, конечно, внимательно прислушивались руководителю совещания к голосу рабочему!

Мне самому довелось выступить в Большом Кремлевском дворце. Я говорил о наших неполадках, о том, как формально передается у нас опыт новаторов. И ядуг из президиума раздавался голос Никиты Сергеевича Хрущева. Секретарь ЦК нашей партии Горьков поддержал меня.

Говорил я на совещании и о недостатках в оформлении и оплате труда. И как радостно стало у меня на душе, когда прочитан в газетках, что правительством создано специальное Государственный комитет по вопросам труда и заработной платы во главе с товарищем Л. М. Кагановичем.

Советские работники промышленности были пронинуты подлинной заботой о нуждах производства, о путях дальнейшего развития нашей страны.

Новые горизонты открылись перед нами, производственниками. Сколько новых дел, исканий, радостей! И нам, конечно, необходимо молодым, юные силы. Пусть все больше молодежи, вооруженной знаниями, приходит к нам в цехи. Ее нужно обязательно находить новые пути, расширять границы творчества.

Мы, кадровые рабочие, радуемся, когда в цехи приходят и начинают воспринимать свою работу.

Ждем вас на заводе, наши юные друзья!

Н. ЛУПАНДИН, фрезеровщик нашего заводского транспорта.

На главном конвейере Харьковского тракторного завода.

Фото А. Молдавова.

Высокой производительности труда достиг молодой литейщик Александр Семенов. Каждое его движение строго рассчитано, ни одной минуты рабочего времени не пропадает у него даром.

БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

Фото Е. Дона и А. Бурмана.

ЧТОБЫ НЕ ОСТАТЬ ОТ ЖИЗНИ

На железнодорожных путях завода стоит, поблескивая свежей краской, цельнометаллические пассажирские вагоны. Отсюда начинаются их бесконечные странствия по чудесным просторам нашей Родины. Но прежде чем всплывет зеленый огонек светофора, открывая путь этим красивым, нарядным составам, каждый вагон не раз еще будет тщательно осматриван и проверен: а вдруг обнаружится какая-нибудь недоделка!

Сотни людей создавали вагоны: конструкторы, технологи, литейщики, сварщики, слесари, токари, плотники. Каждый внес в него свою долю труда, умения, талант. Войдешь в купе — и глаз твой радуется уютной обстановке, созданной для пассажиров, кажется, чего еще желать лучшего! Но вагоностроители не привыкли благодушно любоваться достигнутым. То, что вчера представлялось им безупречным, сегодня не удовлетворяет их. И ничего удивительного в этом нет: ведь жизнь идет вперед. Чтобы не отстать от нее, дружный коллектив Калининского вагоностроительного завода смело внедряет в производство технические новшества, механизмирует тяжелые, трудоемкие работы, перенимает опыт лучших предприятий страны.

Подлинными энтузиастами борьбы за передовую технику являются рационализаторы и изобретатели завода — люди пыт-

ливого ума и пламенных патриотических устремлений. В одном строю с такими поборниками нового, как ветеран завода Федор Васильевич Гусев, идут соросом еще молодые вагоностроители. На груди у многих из них поблескивают комсомольские значки.

Только четыре рационализаторских предложения комсомольца Виктора Иванова дали более ста тысяч рублей экономии в год. Достойный вклад в совершенствование производства внесли также Аvenir Тюлькин, Леонид Покровский, Рогнеда Панкратова, Нина Мухина, Вера Болдырева и другие юноши и девушки завода.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНАТОЛИЯ АНАЬЕВА

Из-за свинцовых облаков, затмивших небо до самого горизонта, вдруг вырвался веселый солнечный луч, и цех сразу наполнился праздничным, радостным сиянием. На полу, на стенах запрыгали резвые зайчики — отблески обрабатываемого металла.

Шурясь от яркого света, старший мастер участка Сергей Иванович Степанов подошел к верстану, за которым склонился молодой рабочий — слесарь-инструментальщик Анатолий Ананьев. В это время Анатолий старательно

отделял какую-то деталь. Он весь ушел в работу. Его лицо было сосредоточено, как у человека, увлеченного интересной игрой. — Любознательный, способный слесарь! — по-отечески тепло отозвался о нем Сергей Иванович. — Все хочет знать, всем интересуется. Одним словом, работает с огоньком, пример другим показывает.

Участник Всесоюзного совещания работников промышленности старший технолог завода В. В. Вершинский беседует с молодежью.

Но порой интересная, смелая мысль с трудом пробивает себе дорогу. Иным заводским новаторам приходится затрачивать много энергии и сил, чтобы доказать, что предложение, родившееся после долгих раздумий и нудительных исканий, вполне жизннмо, целесообразно и должно быть взято на вооружение.

Как раз об этом горячо говорили комсомольцы на заседании комитета ВЛКСМ вагонсборочного цеха, где, кроме секретаря и членов комитета, присутствовала почти весь комсомольский актив: токарь Евгений Глушков, слесарь Николай Полторацкий, обобщил Ляса Соловьева, кровельщик Евгений Лихачев, конструкторы, технологи.

На заседании комитета выступил главный технолог завода В. В. Вершинский. Он поделился с комсомольцами своими впечатлениями о Всесоюзном совещании работников промышленности, участником которого он был, на ярких примерах показал, какое большое значение придает партия индустриальной новаторской борьбе за повышение качества продукции и производительности труда. Говоря о новаторах вагонсборочного цеха, главный технолог назвал имена воспитанницы Ленинского комсомола Раисы Осиповой, членов ВЛКСМ Евгения Мартынова, Веры Болдыревой, Рогнеды Панкратовой. В заключение он попросил комсомольцев рассказать о том, что больше всего волнует их, молодых рационализаторов цеха.

Так начался разговор о «наболевшем вопросе».

Первой слово взяла экспедитор Вера Болдырева. У себя на участке она произвела впечатление тихой, застенчивой девушки. Но стало заговорить о бюрократях и чинушах, причинявших ей столько неприятностей, как вся она тотчас же преобразилась. Ее лицо от волнения зарделось, в глазах вспыхнули искорки гнева...

По предложению Веры Болдыревой достигнута большая экономия дорогостоящих лакокрасочных материалов и ценных пород дерева. А теперь вот уже несколько месяцев она энергично борется еще за одно новшество, направленное на механизацию ручного труда. Девушка не раз наталкивалась на бездушное отношение со стороны некоторых начальствующих чинуш. И, вспоминая об этом, она не может говорить спокойно.

В самом деле, почему до сих пор шифруют вручную некоторые деревянные детали вагонов, бессмысленно тратя много лишнего труда, времени и средств? Почему все еще не применяется предложенная ею машинка, которая должна намного облегчить и ускорить ручные работы на этом участке? А ведь сделать ее очень просто. Валик, обмотанный наждачной бумагой, будет вращаться от поступающего

Успешно выполняете производственные задания столяр Алексей Сергеев. Что бы он ни сделал, — все получается у него аккуратно и красиво.

Еще несколько часов работы, и вагон будет полностью покрашен... Славно потрудились маляры Римма Литвинова и Екатерина Захарова!

Ему, старому мастеру, влюбленному в свое дело, по душе такие честные, работающие люди, как слесарь-инструментальщик Анатолий Ананьев. И не потому ли он с такой сердечностью говорит о нем?

...Анатолій давно уже обратил внимание, что на фрезеровку дроселя тратится много лишнего времени. Как увеличить выпуск деталей? Что предпринять для того, чтобы труд фрезеровщика был более производительным? Этот вопрос не давал ему покоя. Вернувшись с завода домой, он без устали чертил что-то в тетради, высчитывал, записывал. Так длилось несколько месяцев, пока наконец решение

не было найдено. Он предложил соорудить специальную раму, которая позволяла бы обрабатывать одновременно четыре детали. И когда предложение приняли и внедрили в производство, молодой рационализатор почувствовал себя самым счастливым человеком. Шутка ли сказать: придуманное им приспособление вчетверо увеличивало производительность труда фрезеровщика!

Своей творческой инициативой принесли огромную пользу заводу и такие активные рационализаторы, как Решетов, Мейер, Антонов, Небогатов, — люди, неустанно борющиеся за усовершенствование производства.

в шланг сжатого воздуха. Работнице остается только, держа машинку за рукоятку, водить валком по шлифуемым местам. Это не требует почти никаких физических усилий, а качество работы улучшится.

Доводы комсомолки Болдыревой были столь убедительны, что главный технолог Владимир Васильевич Вершинский тут же, на заседании

доску по обмену опытом и рационализации в вагоностроительном цехе сейчас украсится еще одним портретом. Член бюро ВЛКСМ Инна Мухина вешивает портрет Веры Болдыревой.

комитета, приняла предложенное ею усовершенствование, признав его «совершенноным и весьма полезным».

Таких бесподобных сердец, как Вера Болдырева, в цехе много. Какую упорную борьбу пришлось, например, выдержать Раисе Осиповой, к кому только она не обращалась: и к руководителю конструкторской группы тов. Воробьевой и к самому главному конструктору завода тов. Кулакову. С карандашом в руках путем простого арифметического подсчета Раиса доказывала, какую большую экономию дорогостоящего материала даст ее предложение.

Конструкторы рассевно выслушивали Осипову и неизменно выводили на ее завалении чертвое слово: «Оспонить». Но скромная кладовщица не теряла присутствия духа, не отступала. Она спорила, упрямо отставляла свою точку зрения, обращалась за помощью в партийную организацию, к руководителям цеха.

Чтобы предложение наконец было принято и претворено в жизнь, потребовалось вмешательство специальной комиссии, приехавшей из Москвы. И сейчас благодаря творческой инициативе, настойчивости Раисы Осиповой завод получает от сбереженного ценного материала тридцать четыре тысячи рублей экономии в год.

РАВНОДУШНЫХ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

В ответ на обращение участников Всесоюзного совещания работников промышленности коллегия завода взял на себя новые социальные обязательства. В эти дни вагоностроители внесли свыше пятисот рационализаторских предложений.

По инициативе комсомольца Авенира Толпыгина на одном из участков применен новый способ резки металла. Сейчас молодой рационализатор работает над новым усовершенствованием. Его консультирует Людья Васильевна Сивова — руководитель конструкторской группы «Музов».

торских предложений. Факт радостный. Но в ряды новаторов производства должны постоянно вливаться свежие силы. Кому, как не комсомольцами, быть душой этого важного, патристического дела?

Но, к сожалению, иные секретари цеховых комсомольских организаций завода проявляют прямо-таки удивительное равнодушие к рационализаторам.

В том же вагоностроительном цехе секретарь комитета комсомола Геннадий Гостев всего один-единственный раз поставил на обсуждение актива вопрос о рационализации и изобретательства. И то, среди комсомольцев и молодежи цеха есть хорошие рационализаторы и даже энтузиасты этого дела,— это результат личной инициативы отдельных активистов, а вовсе не заслуга комитета. Когда комсомолка Вера Болдырева со своими рационализаторскими предложениями обивала пороги отдела главного конструктора и других служб завода, цеховой комитет ВЛКСМ ничем не помогал ей, а лишь равнодушно наблюдал за ходом событий.

Геннадий Гостев обычно дожидается указания от секретаря заводского комитета ВЛКСМ. А если таковых не поступает, он особенно не утруждает себя заботой о комсомольских делах. Больше всего он увлекается игрой в бильярд. По этой причине подчас трудно бывает молодежи проникнуть в его кабинет.

— Придешь сюда,— рассказывает комсомолец Мартынов,— а дверь то и дело оказывается запертой, и только слышно, как рядом, в красном уголке цеха, цокают бильярдные шары...

Столь странное поведение комсомольского вожака, видимо, мало трогает секретаря заводского комитета ВЛКСМ тов. Щербякова. Ведь не первый день Гостев так «руководит комсомольской работой! Он и в производственную жизнь плохо вмешивается. Об этом с возмущением говорят комсомольцы цеха. Но тов. Щербяков почему-то никак не собирается наставить на путь истинный «подопечного» ему секретаря.

И опять-таки всему виной проклятое равнодушие: «Авось, человек и без постороннего вмешательства исправится...»

Коллективя вагоностроителей самоотвержен-

но борется за повышение производительности труда, за внедрение новой техники. Почетное место в этой борьбе принадлежит молодежи. И надо, чтобы такой важный вопрос, как рационализация производства, постоянно находился в центре внимания комсомольской организации завода.

В наших рядах не должно быть инертных, равнодушных людей. Больше горячих, беспокойных сердец!

Б. ЗОРИН

На завод пришло новое пополнение рабочего класса — выпускники Калининского ремесленного училища № 1. Кузнец Валентин Никаноров рассказывает ребятам о заводе, о его людях, о технике.

Постыясы

Рассказ

Рисунок Л. Котлярова.

Как водится в поездах дальнего следования, они быстро познакомились. Пожилой бухгалтер из Благовещенска вез в Москву годовую отчет, заборовавший — майор пограничных войск — спешил на учебу в академию, а молодой инженер и еще более молодая чертежница ехали на курорт — они недавно поженились, и длительное путешествие из Комсомольска-на-Амуре к Черноморскому побережью было у них судьбиной.

Обычно в такой дороге делать нечего, надо найти способы развлечь себя. И как, когда, развлекаясь: подолгу разгадывали стремительно сменяющиеся за окном пейзажи, выбегали на остановках поразмыслиться и купить что-нибудь съестное, разгадывали кроссворды, слушали костышками domino на большом чемодане и вели бесконечные беседы. Разумеется, молодоженам было куда веселее коротать время, чем их спутникам. Они часами гадали друг на друга, шептались о чем-то сокровенном, урядкой обменялись поцелуями. В один из вечеров, глядя на счастливую пару, затеявшую на верхней полке игру в карты на мелкую серебряную монету, майор и бухгалтер завели разговор на личнейшие темы.

— Хорошо, когда люди сходятся не случайно, а по настоящей любви, — сказал майор.

— Да... Хорошо, когда люди сходятся, по-серьезному думая о семье, о том, что им надо вместе прожить целую жизнь, — поддержал его бухгалтер. — К сожалению, часто бывает иначе: случайные встречи, непрочные связи...

Молодожены обменялись взглядами, который говорил, что их любовь — это любовь на всю жизнь. Нина (так звали молодую женщину) решила, что у майора и бухгалтера неблагоприятно в семейной жизни, и осторожно спросила у майора:

— Нет, у меня все в порядке, — улыбнулся майор. — С женой живем десять лет, дочка растет, школьница. Все нормально.

— А у вас? — спросила Нина у бухгалтера. — Вы что-то запечалились.

— Мне взгрустнулось именно потому, что я вспомнил свою семью. Ушел два дня назад, а уже стосковался...

— Что ж вы завели такой несвежий разговор? — пожалла плечами Нина, будучи серебряными монетами, выигранными у мужа.

Одна из монет ушла к ногам бухгалтера. Он поднял ее и стал разгадывать.

— Разве редки случаи, когда люди не дорожат любовью, разменивают ее на мелкие монеты? — сказал он.

— Вы зовете какой-нибудь такой случай? — спросила Нина, глядя сверху на бухгалтера.

— Мне хочется, могу рассказать назидательную историю... Вот хотя бы про серебряную монету...

— Про ту, что в руках? — с иронией спросила Нина.

— Нет, про другую, — усмехнулся бухгалтер.

Поезд мылся, уходя и гудя. За окном все застала густая зима. Бухгалтер начал свой рассказ.

— Несколько лет назад привелось мне работать на строительстве крупного завода. Жил я сначала в домике соудожника, инженера-металка Лавина. С ним мы дружили, хотя во всем были разными людьми: он молчалив, я разговорчив; он очень высок, я, как видите, не очень (по этому поводу у нас даже остряки: мол, природа отдавала ему те самые полметра роста, которые вывозила мне); он предпочитал одиночество и тишину, я — компанию и живую беседу.

Сметами своими он занимался не только на работе, но и дома: работником не хватало, и ему приходилось тынуть за трюк. Сидит до глубокой ночи, крутит дрифтомер, щелкает на счетах, манипулируя логарифмической линейкой.

В домике инженера мне нравилось: тепло, спокойно, уютно. Жена его, Мария Васильевна, молодая учительница, любила поговорить, послушать, попеть, поговорить со своим мальчишкой, удивительно на нее похожим и лицом и жизнью характера. При всей своей неопределенности она привыкла к молчаливости и спокойствию мужа и умела не мешать его занятиям...

— Все ясно: молодая учительница влюбилась в общительного бухгалтера, — заметил инженер с верхней полки, и Нина согласно закивала головой.

— И не угадали. Я в этой истории второстепенный персонаж, — возразил бухгалтер. — А если станете насмешничать, не буду рассказывать. Инженер молча пригрозил жене пальцем, она протянула руку и погладила его по голове.

— Вскоре ко мне на стройку приехала жена, и мне дали отдельную квартиру. Завод быстро рос, и вот настало время монтировать оборудование. На строительство приехала группа механиков, и среди них — Владимир Александрович Чернин. Мы с ним были знакомы еще раньше и сошлись как старые приятели. Дело свое он знал, был неглуп и остроумен, привлекателен внешне, мог составить компанию — к нему быстро все привыкло. По моей рекомендации он поселился у Лавинах, вместо меня...

— Как думаете: неверное, Чернин и есть герой романа? — высказала Нина шепотом предположение.

Рассказчик усмехнулся во плечо.

— Да, он и есть герой романа... Живой и веселый Чернин скоро стал в семье Лавинах своим человеком. Мальчишка к нему привыкшая чуть ли не больше, чем к отцу. Мария Васильевна скоро стала казаться, что с появлением Чернина жизнь в их доме сделалась интереснее. Оуа, как и ее Валерик, скажула, если Чернин долго задерживался на работе.

Чернин всегда и всюду искал развлечения; от нечего делать он привык ухаживать за молодой хозяйкой. Очевидно, ему и в голову не приходило, что поведение его дурно. В одном разговоре он как-то признал допустимым флирт с замужней женщиной.

Я иногда бывал у Лавинах и однажды был свидетелем сцены, которая лишь потом придал значение намекающего раскола в их семье. Мария Васильевна сидела и вышивала, Лавин молчаливо корпел над очередной сметой, а мы с Черниным мешали ему своими разговорами.

«Как вы могли выбрать такую специальность? — пристал к нему Чернин. — Сметное дело — самая сухая и скучная часть инженерии. Сметчик подобен бухгалтеру: он делает то, что не имеет никакого практического значения. Завод мы создадим без ваших смет так же, как и без бухгалтерского баланса, который будет составлен впоследствии, по окончании всей стройки. И невдомого ведь заниматься таким делом: сметчики всегда остаются в тени. Что-то не слышал, чтобы их награждали орденами?»

Мария Васильевна неожиданно вмешалась в разговор. С досадой, небыстрой для нее, она сказала Лавину:

«Почему ты молчишь? Владимир Александрович, безусловно, прав. Ты и сам стал сухой и скучный, как эта бесконечная смета. Почему ты в самом деле не переменишь работу?»

Лавин дописал столбик цифр и поднял голову:

«Я люблю сметное дело, безотступно от того, награждают ли сметчиков орденами и выходят ли из них великие люди. Я знаю: моя специальность необходима. Смета — органическая часть проекта, а без проекта не существует инженерия. Вы, Владимир Александрович, также ведь не обходитесь без проекта и если отойдете к проекту и смете без уважения, то по молодости, а также, простите, из-за недостатка инженерной культуры. А вообще-то, Маня, — обратился он к жене, — ты не восприняла его слов всерьез: он шутник и шутки ради может говорить родного отца. Я знаю Чернина по работе, — продолжал, поворачивая Лавин, — По-моему, он не хуже меня понимает, что

касаемый птохой архитектор от выслушавшей пиелы отдалается тем, что преле, чем строить ячеюку из жюксы, он уже построял ее в своей годовле...

И он замолчал. У него всегда так получалось: скажет десяток слов и умолкнет надолго. Мария Васильевна подождала, не скажет ли он еще что-нибудь, и возразила: «Вы не можете сказать, чтобы вот эту свою унылую смету ты делал с любовью и увлечением?»

Лапин удавлено посмотрел на нее: «Не узнаю тебя: откуда такие рассуждения? Эта «книжная смета» яв тридцать миллионов рублей. От меня зависит, будет ли заводской директор строить государство на один — два миллиона дороже или дешевле. Как же можно отнестись к этому равнодушно?»

Чернин бросил еще несколько реплик в адрес Лапина, но тот, погруженный в работу, уже не отзывался.

«Что с ним подается?» — Он превратился в живой арифмометр», — сказала Мария Васильевна после тщетных попыток отвлечь Лапина от его сметы.

«Выбрав удобный момент, разумеется, когда Лапина не было дома, Чернин объяснился Марии Васильевне в любви и поцеловал ее. Он любил цитировать Стендаля и говорил, что, мол, поцелуем завершается некий таинственный процесс кристаллизации любви. Обеспечение Чернина и посылку ошеломила Марии Васильевну, она вырвалась из его рук, убежала и несколько дней не разговаривала с ним. Он пытался воздействовать на нее ласковым уговором, насмешкой, жалобами, уверял ее в том, что глубоко любит ее, что она своей холодностью причиняет ему страдания. Наконец, он заявил, что должен уехать от них и вообще из города...

Это произошло именно то впечатлительное, которое и нужно было Чернину. Женщина заплакала и сказала, что не знает, как ей теперь поступить.

«Ну зачем вы все испортили?» — спрашивала Марии Васильевна. — Так было хорошо! И Валерик и я, заводившись влюб, было приятно видеть вас, слушать вас, разговаривать с вами, шутить, смеяться. А теперь между нами любовь, и я должна мучиться. Я ведь не могу расстаться с вами, а у меня семья — Лапин, Валерик...»

Чернин сказал, что покой своей он не намерен нарушать, ему ничего не надо, только чтобы ее, дышать одним с ней воздухом.

Любовь не может стоять на месте, как не может устоять шар на склоне горы. Однажды Марии Васильевна прибежала к Чернину на стройку.

«Я только все рассказала Лапину» — задыхаясь от волнения, говорила она. — Не могу жить с ним, не могу!»

«Хэй, зря!» — пожелал Чернин и любознательно: «А он что?» — «Какой прохвост!» — возмущилась Нина. Она уже сошла с верхней полки и сидела напротив рассказчицы, не сводя с его блестящих глаз.

«...Лапин сказал», — продолжила бухгалтер передавать рассказ Марии Васильевны: — «Мы с тобой, Мария, связаны на всю жизнь. У нас есть сын Валерик. Что касается Чернина... Я скажу, чтобы он оставил нас дома. А тебе надо все обдумать, освежить голову трезвыми мыслями». «Как это освежить голову? А сердце, что делать с сердцем?» — горько спрашивала она Чернина.

Не дожидаясь разговора с Лапиным, Чернин сам съехал от них и поселился в городе, в пяти километрах от стройки. Но от Марии Васильевны не отступался. Они украдкой встречались.

«Мы мелкие воры», — жаловалась она. — Мы вынуждены воровать любовь по двуручничеству...»

«Ага!» — сказала Нина. — Долго дело и до серебряной монеты. А я все жду: при чем здесь монета?»

«Нет, еще не дошло», — возразила бухгалтер. — Монета появится дальше. Жизнь Марии Васильевны усложнилась. Без Чернина она терзалась, желая видеть его. А когда была с ним, думала о семье. Убедившись, что дальше продвигаться так не может, Чернин, особенно не задумываясь, предложил Марии Васильевне тайком бежать из дому и поселиться у него на городской квартире. Она ужаснулась и отказалась. Чернин настаивал, и через некоторое время, не видя другого выхода, она согласилась воровать с Лапиным, уйти от него. Чернин прибежал ко мне, рассказав все это и просил помощи. Ему урвать Марии Васильевну и мальчишку утром, когда Лапин отправится на работу...»

«Похитение!» — с гневным недоумением спросил майор.

«Да, похищение, товарищ майор. Совершенно правильно.»

«И категорически отказался участвовать в этом деле, уговорив Лапина оставить Лапина в покое. Он рассердился и заявил, что обойдется без меня. Увидевшись с Марией Васильевной, Чернин велел ей прийти с мальчишкой к почте. Там он должен был ждать их...»

Всю ночь я томился, а утром не выдержал и побежал к Лапину. Я начал все с самого начала. Лапин и Марии Васильевна сидели за столом, оба одетые. Лапин даже в своей меховой шапке-ушанке. На меня они не обратили внимания. Валерик, одетый в меховую шубежку, перекатывался от отца к матери и терял их... «Поехали!». Ну, поехали!..»

Увидев меня, мальчишка закричал: «Мама одела меня, а гулять не идет. Там ждет лошадка и дядя Волода».

Я ушел от них и поспешил к Чернину. Был сильный мороз, и механик, прождав уже долгое время, прислонившись возле лошади и саней. Я сказал ему, что Лапин дома, и приказал снова отворивать его оставив взорную затку. Он подумал, подумал и вдруг побежал к Лапину. Я пошел за ним, но в дом зайти не решился. На душе у меня было очень гадко, словно я и в самом деле участвовал в этой нехорошей истории.

Забыл в дом, Чернин подхватил кинувшегося к нему мальчишку и тоже пошел к столу. Минут пять сидели они в неловком, тупом молчании.

«Хотели мы избежать объяснения, да не вышло», — громко сказал Чернин. — Скажите тогда объясняться.

«Я не могла уйти из дому, как вор. Нельзя так делать!» — с тоской сказала Марии Васильевна и хрустнула пальцами.

«Дело простое, дорогой товарищ», — сказала Чернин Лапину: «Мы должны уехать с Марией Васильевной и Валериком. А вам придется перенести разладку».

Лапина взглянула механику прямо в глаза, и от его взгляда Чернина передернуло.

«Дело совсем не простое», — Лапин с трудом отговаривал слова: «Вы легкий человек и даже не понимаете, какое непростое дело затеяли! Я не собираюсь упрекать вас: упреки — занятие слабым людям. Хочу вам сказать одно: я не разрешу жене и Валерику вот так взять да и уехать с вами!»

«По какому праву вы можете задержать их? Марии Васильевна — совершеннолетний человек», — заерал на своем месте Чернин.

Лапин не сводил с механика взгляда грустно-удивленных глаз. Очевидно, ему было странно, что он не понимал этого человека раньше. «Вы не пуну их по тому праву, что связаны с ними очень прочно. Вот вы мне скажите: по какому праву хотите отнять у меня жену и сына?» «Я люблю Марию Васильевну, и она любит меня. Это достаточно.» «Нет, вы не любите ее. Вы не знаете, что такое настоящая любовь. Она сейчас тоже не понимает, что у нее нет любви к вам. У нее только удивление, а оно вспыхивает и затрва погубит.»

«Чужой вы человек! Вас невозможно убедить логикой, как невозможно погасить горящий дом стаканом воды», — засмеялся Чернин, видимо, довольный пришедшим ему в голову сравнением.

«Маленький костер, а не горящий дом», — возразил, с трудом сдерживая себя, Лапин. — Костер можно погасить совсем без воды. Помните, если вы ее унете, то погубите летария, всех нас. Ее — так как ваша любовь недолговечна. Валерка: ведь вы не замените ему отца. И себя: вам нельзя жениться, вы не оцените великого смысла семьи, и она вам будет не в радость. Наконец, вы погубите и меня: я не смогу жить без вас!»

«Ну, хвяти!» — оборвал его Чернин. — Будем тут вести трогательные разговоры целую неделю! Поехали, Марии Васильевна! Скажите ему, что не согласны с ним оставаться».

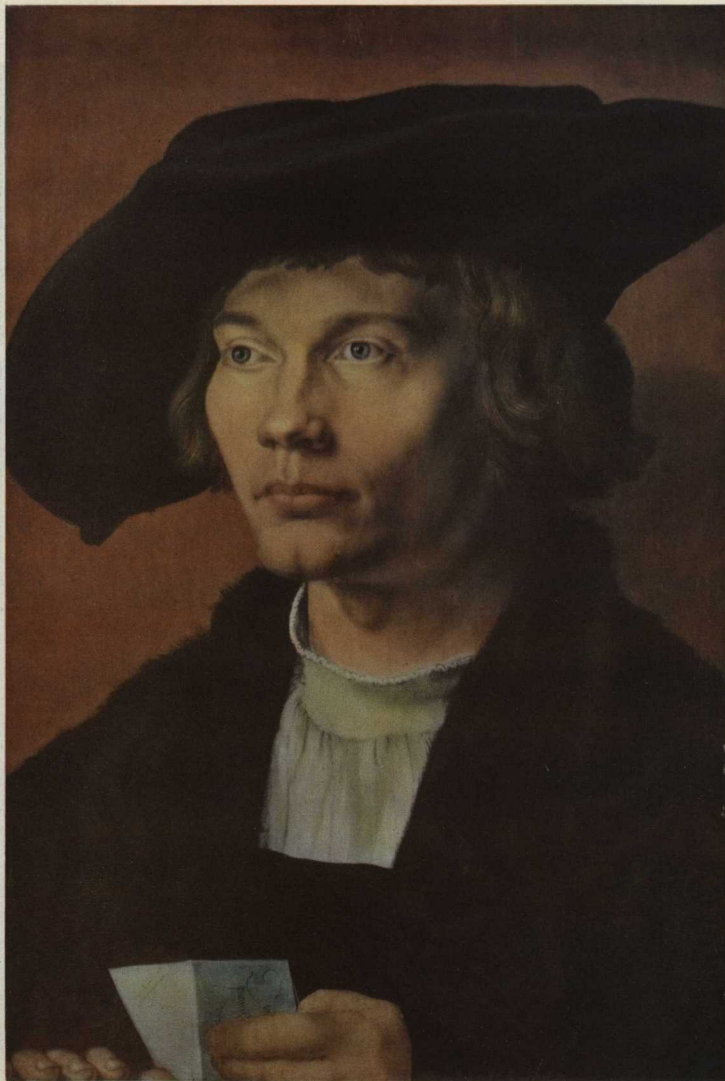
Чернин вскочил. Поднялась и Марии Васильевна. К ней пристрасть мальчишка: ему стало жарко, он сам скинул шубежку и теперь просил снять с него рубашку. У Марии Васильевны бестолково опустившись руки. Едва шевеля побелевшими губами, она с невыразимой мукой смотрела на мужа.

«Вы скоро убедитесь в справедливости моих слов», — все тверже говорил Лапин. — Оставьте нас, не мешайте нам жить! Если я сам уйду, что действительно Марии Васильевна не сможет без вас, что она вас любит и что она для вас не забава, а сам стойду в сторону». Стояли втроем одетые и молчали. Чернин не выдержал.

«Какая ерунда!» — сказал он. — Давайте кончать... Жребий, что ли, кинешь?»

Альбрехт Дюрер (1471—1528).

«Портрет молодого человека».
Дрезденская галерея.

Петер Пауль Рубенс (1577—1640).

«Охота на кабана».
Дрезденская галерея.

ТВОРИ, ВЫДУМАЙ, ПРОБУЙ!

Б. ПРИВАЛОВ

Небольшая аудитория в одном из известных институтов. Карта, схемы, чертежи. За кафедрой лектор. Что это, обычные занятия? Нет. Это идет заседание научного кружка. Докладчик — такой же студент, как и сидящие перед ним юноши и девушки, — подробно рассказывает о проведенных им опытах, о своих наблюдениях, выводах. Товарищи внимательно слушают, а особо интересные факты записывают в тетради.

В институте Киева таких кружков насчитывается около тысячи. Все они объединены в семнадцать научных студенческих обществ. Здесь будущие инженеры, агрономы, зоотехники, геологи под руководством опытных преподавателей пробуют свои силы в исследованиях, приобретают практические навыки, расширяют и углубляют знания.

Репортаж, который мы помещаем на этой странице, рассказывает о работе научных студенческих обществ трех крупнейших вузов столицы Украины.

1

Однажды в степной газете «Металлург» политехнического института появилась статья, которую студенты перепечатавали по многу раз. Автором ее являлся бывший воспитанник института, а ныне вице-президент Академии наук СССР профессор Илан Павлович Бардин. Обращаясь к студентам и отвечая на их вопросы, он писал:

«...Что такое творческий и что такое школьный подход к изучению тех или иных явлений? Творческим в жизни является всякое дело, которое с течением времени все улучшается, а сами творцы его, не останавливаясь на достигнутом, ищут пути к его совершенствованию.»

Под школьством подразумевается, например, такое положение, когда студент со всей добросовестностью изучает уже сформулированные научные истины, столь же добросовестно и, быть может, успешно сдает экзамены по тем или иным дисциплинам и успокаивается на достигнутом, полагая, что круг его интересов и стремлений на этом замыкается.

Эти слова известного ученого хорошо понимают студенты института. Вся работа здесь построена так, что творческое начало всегда берет верх. И недаром большинство студентов не только хорошо учится, но и активно участвует в деятельности научного общества. В пятнадцати секциях — электротехнической, горной, металлургической, химического машиностроения и других — во всех восемнадцати научных кружках будущие инженеры творчески решают вопросы, которые ставят перед ними жизнь. Именно жизнь, ибо члены НСО не просто занимаются научными изысканиями, а выполняют заказы производства. Темы, которые разрабатываются в НСО, прилагаются в институт заводы, фабрики, шахты. Выполнять заказы производства — это и почетно и трудно.

Однажды в институт пришла заявка от горняков. Шахтеры просили студентов заняться усовершенствованием системы связи, соединившей маневровый угольного комбайна с погружаемыми пунктами. От четкости и бесперебойности связи во многом зависит про-

изводительность труда комбайнеров. Кафедра передала заявку в НСО, и за решение этой проблемы взялись студенты Терпизовский и Комаревский. Немало потрудились они, прежде чем нашли такой вариант системы, который им казался удовлетворительным. Во время практики на шахте имени Киселева (трест «Чистковоантрацит», Донбасс) студенты провели испытания своего рационализаторского предложения. Испытания дали положительные результаты, предложение было принято и, как показала работа, принесло немалую пользу. Начальство шахты горный завод, которого разга то, Давиденко сообщила в институт: «Годовая экономия от внедрения предложения тов. Терпизовского и Комаревского равняется 82 267 рублям, простотой месячной добычи угля — 2 067 тонн.»

В комитете Совета НСО хранится тощая папка. В ней отаны в студенческих работах. Здесь можно найти письма с предприятий Днепродзержинска, Запорожья, со строительства Кубышевской ГЭС, на целих Минского автомобильного завода, откуда выезжали студенты на практику. За хорошую работу, за стремление внести в производство новые рабочие и инженерные благодарит воспитанников института. Практика для членов НСО — это не обычное знакомство с производством, а первая попытка творчески включиться в большую общественный процесс — на предприятии. Здесь они проверяют расчеты и схемы, разработанные еще в стенах института, испытывают новые усовершенствования, и часто бывает, что именно на том предприятии, где студенты проходили практику, новое предложение находило первое применение. Недаром на ежегодной научно-студенческой конференции все чаще звучит скромная формула — «предложение внедрено». Эти два слова яро свидетельствуют о том, что студенты работы в НСО не школярский, а боевой, творческий.

2

В Киевском университете имени Т. Г. Шевченко есть интересная карта. На ней от станции Украин-

ны в разных направлениях расходятся тонкие линии — к Москвитин и другим городам крупнейших учебных центрами. Эта карта рассказывает о связях университета с научными студенческими обществами вузов страны. С москвичами, ленинградцами, саратовцами обмениваются идеями опытом научной работы, устраивают совместные дискуссии на особо важные темы.

В университете НСО 96 кружков. В них занимается около пяти тысяч студентов. Восемью тысяч действительных членов, а остальные — члены-корреспонденты, как их и называют здесь называю. Стать действительным членом не легко: нужно представить в Совет общества самостоятельное исследование. Товарищи внимательно знакомятся с ним, вынесут решение, принять или не принять автора работы в общество. С каждым годом требования в НСО повышаются, но число действительных членов тоже растет. И дело тут не только в хорошей общеобразовательной подготовке студентов, а и в том, что сама постановка работы в обществе способствует проявлению творческих задатков у будущих специалистов.

Университет существует над Бориспольским районом Киевской области. Сюда приезжают на практику студенты многих факультетов — биомеди, географы, экономисты. Для членов НСО Бориспольский район стал как бы большим общим учебником, на котором они проводят свои исследования и вместе с колхозниками решают главную задачу — как увеличить урожайность полей.

В первую очередь студенты разрабатывают те темы, которые с точки зрения практики особенно важны. Было обнаружено, например, что карта поля района устарева. Местами она просто не соответствовала действительности. Правильно размещать посевы, руководствоваться такой картой, невозможно. И вот студенты-биологи Шматко, Лозово, Покученко, Гутаря и Карпенко занялись уточнением почвенной географии. Для этого им пришлось побывать во многих колхозах на полях, исследовать различные участки. В результате новая карта была составлена.

Определение аэустички помещенна — дело очень сложное. Студенты Киевского ордена Ленина политехнического института члены НСО Борис Шендеров и Сергей Фещенко сконструировали прибор, который позволяет сравнительно просто проводить такие исследования. На снимке: Борис Шендер и нового прибора.

Фото А. Дмитриева.

Очень пригодились замерам и орозорникам Бориспольского района работа студентов Хитрово, Довенко и Партия «Различия в заделке культуры в сельхозартели имени Сталина».

Об успехе научного студенческого общества можно судить хотя бы по тому, что всемирный «первенцовцев» приказом министра высшего образования Украины были награждены ценными подарками и премиями.

На состоявшейся недавно 12-й университетской конференции общества было заткнуто 120 докладов. Это говорит о широком размахе работы общества. Но самым отдалым, пожалуй, является не количество представленных исследований, а глубина их работы, тесная связь с жизнью, практикой. Это и есть самая характерная черта в работе научного студенческого общества Киевского университета.

3

Село Ключарки, что раскинуто бескрайние жатки среди полей Закарпаття, даже у занятых кукурузником считается самым «кукурузным местом». Именно здесь колхозница Терезия Габозда одна из первых вырастила по 230 центнеров кукурузы с гектара.

Земля знаменитой колхозницы Иван Валентер решила повысить себя агрономом. Он поступил в Украинскую орден Трудового Красного Знамени сельскохозяйственную академию. Стал членом НСО академии, он начал заниматься изучением кукурузы. Валентера очень заинтересовала авиационно-гнездовой способ посева этой культуры. Перед исследованием стоила проблема: какой урожай кукурузы можно снять, если сеять ее этим способом? Как добиться увеличения урожая, где резервы? Студент провел много наблюдений, опытов, советовался с колхозниками. И вот оказалось, что при гнездовой посадке наибольший урожай кукурузы получается в том случае, если в каждую лунку будет засыпано по три зерна.

Проблема кукурузы увлекает не только Валентера. Никита Молчанов занимается подробным изучением смешанных посевов кукурузы и бобовых. Бобовые обязательно сеются отдельно. А Никита предлагает сеять их вместе с кукурузой, при этом стебель кукурузы будет служить опорой для выносивших бобовых, и питательные качества силоса от это-

го смешения культур значительно повысятся.

Самые различные темы разработывают члены НСО. Студенты Ласенко и Лукомный под руководством ассистента кафедры общего земледелия И. Руденко проводят исследование приемов обработки почвы по методу Т. Матвеева в условиях Полесья Украины. Студент Казимиряк, работая на колхозных полях, пришел к заключению, что если при посадке картофеля внести большие дозы органических и минеральных удобрений совместно с бактериальными, то можно получить высокий урожай — до 220—240 центнеров с гектара. Недавно колхозники пригласили Казимиряка на пробу «агротехнического эксперимента» картофеля и поздравили студента с первой победой.

***

В политехническом институте, а университете и сельскохозяйственной академии студенты настолько и увлечены приобщением к научной деятельности. Все свои работы члены изучающих обществ направляют на то, чтобы наша страна была еще сильнее, еще могущественнее и богаче.

Научным студенческим обществом Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко руководит известный астроном, профессор С. Н. Всехватский. Своей любимой наукой он увлек много студентов. На консультации, которые профессор проводит для членов НСО в observatorium, всегда многолюдно.

Обсуждаем статью «Как бы чего не намудрили...»

«Мелочи» или нет?

Прочитав оубликованную в «Смене» статью «Как бы чего не намудрили...», я вспомнил, что описанные в ней факты встречаются не только на Сормовском судостроительном заводе. Они есть и у нас, в университете.

Формализм — едва ли не самое опасное явление в комсомольской работе. Провальений формализма много. Но мне хотелось бы остановиться лишь на одной из его сторон.

Вспоминается мне собрание в одной из аудиторий Московского государственного университета. Докладчик довольно горлово доказывал, что дивиндлина крайне необходима для студентов.

— Нам надо вести самую беспощадную борьбу с прогульщиками и лодырями, которые по отношению к ним обстановку непереносимости и непримиримости, активно бороться с каждым проявлением недисциплинированности и разгильдяйства.

Докладчик посмотрел на часы. Собрание шло уже третий час. В первых рядах студенты сидели прямо, положили перед собой руки и устремили в потолок отсутствующие взгляды. Остальные, низко склонившись над столами, спокойно конспектировали учебники или играли в «бублы».

— Каждый из нас должен постоянно чувствовать свой комсомольский долг... продолжал докладчик... не допускать со своей стороны некоммунистического отношения к посещению занятий.

Кто-то из президиума положил перед докладчиком записку. Скользя глаза, тот прочитал: «Миша, вроде пора закрутиться!» Сказав еще несколько призывных фраз о борьбе с прогульщиками и медленю собрав разложенные перед ним тетради, Миша объявил собрание закрытым. Лишь комсомольцы мгновенно посетели, все бросились к дверям.

Миша поймал у выхода комсоргов одной из групп.

— Мне с тобой надо поговорить о культурном уровне вашей группы в музей. Ты завтра приходишь на семинар?

— Как тебе сказать... Едва ли, я не успею подготовиться. А где же я тебя увижу? Ведь послеавтра культурноход!

— Я тебе позвоню!

Они разошлись. И Мише даже не чин не пришло, что бы сейчас разговаривала с комсоргом-прогуль-

щиком. В докладе он с большим убеждением доказывал, что семинары нельзя пропускать, но вот он столкнулся с человеком, который собирался завтра, и не обратил на него внимания.

Миша, к сожалению, не исключение. Сколько раз у нас бывает так, что комсомольские работники в реках и докладах провозглашают верные слова о принципиальности, о борьбе с недостатками, а вие собрания оказываются удивительно терпимыми к недостаткам и, пожалуй, равнодушными!

Можно привести два случая. Студента факультета журналистики Шмага в начале года включили в комсомольскую бригаду по борьбе с кулхагством.

— Что за чушь? — замедлил возмущиться Шмага, узнав об этом. — Вель на меня же самого могут падать худяги!

Эле Герасимович, студентке четвертого курса географического факультета, решили поручить сделать на собрании доклад «Что такое счастье». Когда ей сказали об этом, она возмущенно заявила:

— Божел! Вечно мне какую-нибудь гадость подсулят!

С такими «мелочами» комсомольские работники сталкиваются чуть ли не ежедневно, но, будучи заняты делами «более важными» (подготовка отчета в вышестоящую организацию, индивидуальная работа с отстающими и т. д.), проходят мимо. В лучшем случае похода пожурат.

А ведь в репликах, подобных той, что привел Казимиряк, раскрывается много. Если прислушаться к ним, если не проходить мимо, можно во-время разгадать характер человека, во-время заметить его недостатки.

Мы иногда слышим, как одна студентка сообщает другой, что ее подруга выгодно вышла замуж: у супруга квартира, телевизор, высокий заработок, белоснежная одежда.

Иной раз происходит и такие диалоги:

Ваня, посмотри, какая чудная Кана! Как бы к ней подъехать?

— Брось ты! Персонального дела захотел? Это надо тихо проворачивать, подальше от своих. Хочешь поездить куда-нибудь?

Пусть не делают удивленных глаз некоторые комсомольские работники, пусть не пытаются докльзывать, что никогда не слышали ничего подобного. Не могут не слышать! Но мало кто из них думал о том, что это и есть некое-комсомольские поступки.

Присекающиеся сжигают с кучей лупонок, мелких пакостей, но не должно быть в комсомоле. Но если они еще живут среди нас, то это прямой и непосредственный результат формализма в воспитательной работе. Руководители вроде Миши, очевидно, не понимают, что молодые люди, ведущие разговор о выгодном браке или о других подлостях, а будучи сгруппированы беззакония, рьяными, беспринципными искателями выгоды для себя.

«Мелочи», пропуская мимо ушей, проходим мы мимо глаз комсомольских работников, неми-

нуем приводят к серьезным нарушениям в учебе, быту, в вопросах морали. И лишь тогда, когда комсомолец совершил серьезный проступок, комитет или бюро берут за его «взращивание», то есть чаще всего начинают персональное дело.

Нередко о различных проступках комсомольцев мы узнаем не от них, не от их товарищей, а со стороны. Студент пятого курса философского факультета Валамир Доска часто пропускал занятия, плохо учился, а дома забавлял младшую сестру, ругал ее площадными словами. Обо всем этом звуковой комитет узнал лишь от работников «Комсомольской правды», приславших в МГУ копию письма одной студентки московского института.

Конечно, нельзя отменять факты, даже если их оценил много, нецелком и полностью менять в описании комсомольским работникам. Конечно, у каждого комсомольца должно быть высоко развито чувство ответственности перед товарищами, перед комсомолом, перед Родиной. Но ведь воспитание этого чувства — прямой долг комсомольского руководителя. В этом направлении, по моему, и должна проводиться вся его работа, ибо это — главное.

А. ТЕР-ГРИГОРЯН,

студент 5-го курса МГУ.

О живом деле и канцелярских душах

С большим интересом прочитал в «Смене» статью В. Корнякова «Как бы чего не выдумали...» Может быть, потому она меня так заинтересовала, что в ней полчелны недостатки, типичные для работы для комитета комсомола в территориальном судостроительного завода. Из газет мы знаем, что подобные факты имеют место и в других предприятиях. Встречаюсь с ним, и сожаленно, и в жизни нашей заводской комсомольской организации. Особенно меня взволновала в статье рассказ о том, как в Золотоншу приходится молодые рабочие с жалобой на мастера. Жалобы эти правдивые, но Золотоншу не хочется «мешиваться в эти кланзы». Он советует всетаки пойти и поговорить перед мастером. «Ребята упряжились», пишет автор статьи, «но по всему видно, что в конце концов согласится и пойдет просить прощения, а положение с нарядными так и не изменится... Так и зачехлется мне кривянуть им вездех: «Да постоит, ребята! Почему вы повсюду сплетаете этому совету? Почему же по комсомольским не доводите нагнетаное дело до конца? Если вы ничего не добились в комитете комсомола, то обратитесь к секретарию партийной организации, подайте в райком ВЛКСМ или в редкцию заводской многотиражки. Слов нет, вы виноваты в том, что совершили прогул, и за это вас по головке не погладишь. Но если с вами поступили неправильно, вам обязательно помогут, действуй только смелее и настойчивее».

В связи со статьей «Как бы чего не выдумали...» мне хочется привести пример из жизни нашей комсомольской организации.

Не так давно к нам в цех поступила молодая работница Антонина Чернышова. «С первых дней она стала проявлять старательность в труде, кропотливо перенимать опыт лучших производственных рабочих. Вскоре Тоня выдвинулась в число передовых рабочих цеха. Я написал о ее трудовых успехах в заводскую газету «Взгоностроитель». По предложению мастера участка Леонова и бригадир Ильина имя комсомолки Чернышовой было занесено на цеховую Доску почета. Однако не все по-дружески восприняли это радостное событие в жизни Тони. Кое-кто из участка с умышленой отпуская не-принятые шуточки по ее адресу, а некоторые потворничали, что очень уж скоро стала она передовой работницей.

Может быть, Тоня знала? Может, успела вскружить ей голову? Нет! Этого о комсомолке Антонине Чернышовой никак не скажешь. Она и теперь систематически переносит смелые задания. Вот уже полгода ее имя не сходит с Доски почета. Но зато имени ее не упоминают.

Обо всем этом я счел нужным рассказать секретарию нашей цеховой комсомольской организации Петру Калининскому. Конечно, бы, это должно было его глубоко взволновать. Но он даже не побеседовал с работницами участка, среди которых, кстати сказать, есть и комсомолки.

Но совсем адекватно выслушав меня, он лишь заметил: — А не слишком ли захваливают Чернышову?

Вместо того, чтобы по-настоящему вынуть в столь важном деле, наш комсомольский вождь ограничился лишь равнодушно заданным мне вопросом, за которым истинно слышалась: «Как бы чего не выдумали...»

Я вовсе не хочу этим сказать, что Калинин — плохой человек и инкубатор секретарей. Наоборот, заводской комитет комсомола ставит его в пример, хвалят за аккуратный сбор членских взносов и за регулярно проводимые комсомольские собрания.

Дело тут совсем в другом. Забыл ли наш комсомольский вождь секретаря иногда относится к своим обязанностям формально. Работа ведется им главным образом ради того, чтобы вставить «глазочки» в плановый отчет, мероприятия проводятся, так в след долой.

Формализм способен погубить всекие инициативы, живое дело, омрачить любое радостное событие. Иной ерундоватый формалист, например, прежде чем пойти к комсомольцу на свидание, обязательно задушевно: «А что скажет секретарь райкома?». В деле, может быть, ему и очень хочется погулять на свидание у товарища, спеть в кругу друзей любимые песни, потанцевать. Но неотступное «как бы чего не выдумали» заставит его и поплутать вернуться обратно.

Таким канцелярским душам надо сказать: «Хватит. Освободите место другим — настоящим комсомольским вождям».

Марлен ШИРЯЕВ,

член ВЛКСМ, рабочий Калининского вагоностроительного завода.

Игорь КОБЗЕВ

ГОСТЬ

Стук в дверь,
и сейчас же:
— Здорова, приятель! —
И сразу хозяин
Нырнет в объятия.
И входит фигура
В кулакках и в колбасах
И дом наполняет
Неслыханным басом...

— Откуда?
— С Таймыра,
С полярной зимовки.
— Наверное, в отпуске?
— В командировке...

Гость весь расплывается
От умиления.
Он пахнет штормами
И шерстью оленей.
А если невозможно
Хмельно в голову,
Так это от счастья,
Что вот он в Москве!..

Ему ни ночага,
Ни хлеба не нужно,
Ему бы лишь вспомнить
Старинную дружбу,
Слетка козырнуть
В разговоре с друзьями:
С московскими попутями!
Да вспомнить о том,
Как он спорил с металю
За сельсапет лютю
Параллельно...

Анатолий ЛЕВУШКИН

В РАЗДЕКЕ

Еще лежит в оврагах снег,
перегорелый, ветхий,
Но

дружно
молодой весне
книают
клена ветви.
И пробивается листва,
И рвется травинки.
И первые тетерева
в рассветном поединке
стелются,
сшиблись
с клювом

клюва,
к сопернику
соперник.
Отчаян каждый.
Каждый лют.

И все полкани в перьях...
Но ядрт
тетерева летят,
но кончи битвы ярой,
Чуть све
тетерафов отряд
направился на мшары.

Однако же встреча
В московской квартире,
Пожалуй, прохладнее,
Чем на Таймыре.
Хозяйка
Куда-то уходит из дома:
Она же ведь, в сущности,
С ним не знакома.
Ей странно смеяться,
Как он ест без салфетки,
Ей странно статутки.
За хрюпки статутки.

Но самое главное,
Давний приятель —
Бродяга, геолог,
Былый изыскатель,
С кем столько скитались
И столько дружили,
С кем вместе не раз
За моржами ходили...
Он прозе и рад.
Но бормочет смущенно:
— Дева, брат...
Ты звякнул бы

А сам сутелся,
Глаза свои прчет:
Таймыр, мой, Таймыром,
А здесь все иначе...

И вот уж полкнири
В их комнате жаркой
Томится, как белый медведь
В зоопарке.
И, явно страшась,
Потерять свою веру,
Косится на стрелки
Секундомера...

Лесные тропы повели
в глубокую разведку,
Берет топограф нивел ,
через плечо — планшетку.
Звучит его прворный шаг
Идет вездех ледовой.
И острие карандаши
по карте побжекло.
Мештра вся
ему видна,
как с птечьего полета.
Вот здесь ржавина издана
трясинные болота.
Теперь —
царств в пушинке трав
лугам июньским свежким!
А здесь
прямой доронный тракт
дремучий лес разрезает.
Шелет ошох вперед,
адавом с весной мештрайской.
Он

новый день
в леса несет
на ватные друзверстки,
г. Рязань.

МАСТЕРА БАШКИРСКОЙ СЦЕНЫ

Фото В. Рибнина.

Занавес поднялся, и зрители увидели освещенные отблесками заката снегово-синие утесы Урала. Возле юрты старшины Юлаева волнуется народ из Оренбурга, пришла пришла выступать на повываение пугачевского восстания. Но Салават решает по-своему: он ведет отряд на соединение с Пугачевым.

Затем дыхание, следят собравшиеся в зале за судьбой Салавата — легендарного башкирского полководца, близкого друга и сподвижника Пугачева. Голоса певцов, аркалы обрисовка образов, музыка, насыщенная задумчивыми народными мелодиями, — все захватывает в этой опере, которая была показана на московской сцене во время декады башкирского искусства.

Вашкирский театр оперы и балета существует недавно, всего семидесять лет. Это своеобразный театр: на его сцене идут оперы как на башкирском, так и на русском языках. В репертуаре немало произведений русских и зарубежных авторов.

Опера «Салават Юлаев» — первое крупное произведение молодого композитора З. Исмагилова. Судьба автора напоминает судьбу многих людей, выросших за годы Советской власти в разных уголках нашей Родины. Исмагилов родился в семье крестьянина-лесоруба. С малых лет его увлекло к музыке. В кружках художественной самодеятельности он проявил себя как талантливый исполнитель на народном духовом инструменте — курбее.

Потом учеба в Московской консерватории; там он приобрел серьезные и обширные знания. Поездки по родному краю, запись песен, которые собирает башкирский народ, помогли Исмагилову глубоко постичь характер национальной музыкальной культуры. В опере «Салават Юлаев» широко использованы популярные русские и башкирские народные мелодии, рассказывающие о борьбе угнетенного народа за освобождение. Образ Салавата — один из самых удачных в опере. Выступивший в этой роли артист М. Хисматуллин с большой теплотой и проникновенностью раскрыл богатство и красоту душевного мира героя. Партию

жены Салавата — нежной и мужественной Аминэ — шла талантливая артистка Ваня Власова.

Во время декады были продемонстрированы также достижения башкирского балета в двух постановках: «Журавлиная песня» А. Степанова и «Ауренсия» А. Крейна. Балет «Журавлиная песня» был поставлен театром еще в годы Великой Отечественной войны. С тех пор он не сходил со сцены. Это поэтический рассказ о любви пастуха Юмагула и дочери бедняка — красавицы Зайтунгуль.

Богач Арсанбай, увидев во время охоты прекрасную Зайтунгуль, привлекает салугом схватить ее: он хочет сделать девушку своей женой. Юмагул бросается на защиту возлюбленной, но силы неравны, и ему приходится отступить. В это время появляются деревенские парни. Они предлагают устроить по старинному обычаю соревнование джигитов, чтобы Зайтунгуль стала женой сильнейшего.

Снова появляется Юмагул, он играет на пастушечьей дудке — курбее — журавлиную песню. Песня придает ему силу, и он вызывает на поединок Арсанбая. В горячей, отчаянной схватке Юмагул бросает противника на землю, но Арсанбай коварным ударом тяжело ранит Юмагула.

Юная красавица ждет свадьбы с ненавистным Арсанбаем. Во время обряда выкупа начинается гроза. Воспользовавшись смутением гостей, Зайтунгуль убегает в лес, где томится Юмагул, привязанный к дереву салугами Арсанбая. Увидев возлюбленного, Юмагул разрывает веревки, а прилетевшие журавли исцеляют его раны. Когда в лесу появляется Арсанбай, пастух убивает своего врага.

«Журавлиная песня» — поэтичный, полный лирики и драматизма балет.

Выступая в Москве и старейший театр республики — Башкирский государственный академический театр драмы. Как-то перед началом одного из спектаклей актеры, собравшись за кулисами, разговорились и вспоминали годы рождения своего театра.

...1919 год. Праздничная война на территории Башкирии была в разгаре, шли беспрерывные бои с белогвардейскими бандами. Из небольших групп красноармейской самодеятельности создавался первый профессиональный театр. Газизин Карамшиев.

Старинный танец девушек в исполнении артистов ансамбля народного танца Башкирской АССР.

ныне народный артист РСФСР, был в числе зачинателей этого театра. Он, тогда еще совсем юный комсомолец, выступал на самодеятельной сцене, где ставились инсценировки по кинофильмам и башкирским сказкам.

Позднее, когда в Уфе открылся техникум театрального искусства, многие участники красноармейской художественной самодеятельности поехали туда учиться. Вслед за Карамышевым получил пуговицу в этот техникум и Арслан Мубариков, воспитанник детского дома. Но на экзаменах юный Арслан от волнения забыл все, что он знал, и «провалился». На обратный путь денег у него не было, и комсомольцы техникума уговорили директора принять Арслана условно. Юноша был принят. Потом он учился в Москве, а возвратившись в Башкирию, играл во многих пьесах. Сейчас Арслан Мубариков — народный артист СССР, один из режиссеров театра. Спектакль «Одинокая береза» М. Карима — одна из его работ.

Особой популярностью во время декады пользовалась у зрителей инсценировка по повести М. Гифурди «Черговозвек», созданная Г. Амири и В. Галимовым. В пьесе рассказывается о трагической судьбе бедной крестьянской девушки Галимы и батрака Закира, горячо полюбивших друг друга. Девушка и юноша осматривали бесхозный надел, что запрещено шариатом. Бил оклеветали молодых людей и по законам шариата привлекли их друг к другу, вымывав лица сажей, а затем потащил по улицам села. Галима не вынесла такого позора и сошла с ума. В роли героини успешно выступила одна из старейших актрис театра Т. Бикташева и молодая артистка комсомолка Д. Фабулманна.

С интересной программой выступил ансамбль народного танца Башкирской государственной филармонии. Большой успех выпал на долю солистов Идрисова, Фахретдинова и Исмагилова, которые исполнили шуточный танец «Три брата», премированный в Бухаресте на Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Высокое мастерство продемонстрировали исполнители танца «Гюльназира», медленного марийского танца, старинного танца башкирских женщин.

Мы рассказали далеко не обо всем, что показывали посланцы Башкирии в Москве в дни декады. Оперы, драматические спектакли, танцы и другие произведения — все это ярко и полно демонстрирует, каких успехов достигло молодое башкирское искусство, национальное по форме, социалистическое по содержанию.

В. ВАСИЛЬЕВ

«Салават Юлаев» Э. Исмагилова в Башкирском государственном театре оперы и балета.

Сцена из балета Л. Степанова «Журавлиная песня».

Рисунки П. Пинигосевича.

Борис ГОРБАТОВ

АЛЕКСЕЙ ГАЙДАШ

С главным героем повести Бориса Горбатова «Алексей Гайдаш» советские читатели впервые познакомились еще в тридцатые годы. Алеша начал свою жизнь на страницах романа «Мое поколение». Кто не помнит, как под руководством первого друга и командира сражался в «железном батальоне» ребята с Заводской улицы! Каждый из них считал, что рожден «для дел необычайных».

Действие повести «Алексей Гайдаш» развертывается в начале тридцатых годов. Новым своим произведением писатель хотел продолжить «Мое поколение», но завершить ему удалось только первую часть, которая полностью печатается в журнале «Новый мир».

В начале повести Алексей Гайдаш — секретарь окружного комсомола. Честолюбивый, властный, он увлечен администрированием, отрицает для себя этот поворот в жизни. Но именно здесь, в армии, происходит настоящие становление характера Гайдаша. Алексей упорно трудится. На стрельбах в присутствии командующего он показывает отличные результаты и становится знаменитым в полку.

Так стал Алексей Гайдаш нежданно-негаданно героем полка. Командующий отметил его в приказе. В армейской газете написали: «Еще полк должен стрелять, как коммунист Гайдаш». На полковом партийном собрании его избрали членом нового партийного бюро (старое распустили). Школа гордилась им, лучшим курсантом. Стрелков сносил песню «Коммунист Гайдаш». С него шли теперь бойцы на стрельбище.

И Конопатин, избранный отсекром полка, снова начал тревожиться за приятеля.

«Теперь доживеи. Теперь заживеи. Погибнет» — озабоченно думал он.

Он решил вызвать Гайдаша к себе домой и за чайком поговорить с ним по душам, по-политрукски.

«Что скажешь, Алеша? Предупредить: не завывай, моё! Обидится. Натура товкача, горляча, закусит удила, понесет. Я его знаю! — не без самолюбования думал он. — От него всего можно ждать — и подвиги и падения. Как отомыть это горло, горячее дитя, как придать ему форму?»

С беспокойством ждал он Алексея. Придумывал дипломатические подходы. Зачем-то вытаскивал томик Пушкина. Вел мимолетно беседы с Гайдашем. Потом поставил на стол чайник, конфеты, чашки с розовыми лепестками. «Словно вестуеи ждущий», усмехнулся он. — Эх, парень, парень! Знать ли ты, как мне дорог? Но Гайдаш не пришел. Напрасно поглядывал политрук на часы. Напрасно выключал и выключал электрический чайник. Наконец, рассердившись, он решил сам пойти за Гайдашем.

«Герой! — злился он, топя по снегу через полевой плащ. — Завлялся. Уж и в гости ходил не хочети».

Он уже знал, что застанет Гайдаша в лесниском уголке, окруженном воскапченной толпой курсантов. Герой будет в солдат раз рассказывать о своей встрече с командующим, как командующий его обнял, как поцеловал, и курсанты будут аплодировать и завидовать.

Но ни в лесниском уголке, ни в казарме

Гайдаша не оказалось. Политрук нашел его там, где меньше всего ждал встретить: в спортивном зале. И то, что он увидел, поразило его. В пустом сумрачном зале Гайдаш молча и сосредоточенно забавлялся с винтовкой: то вскакивал вверх и вниз, то выбрасывал в сторону. Он был без рубашки, и его одиокая фигура казалась жалкой и странной здесь, в большом, холодном, пустанном зале.

Конопатин тихо оклинул его. Алексей обернулся, но винтовку не оставил, продолжал методически, упорно вскакивать ее на вытянутых и напряженных руках вверх — вниз — в стороны, вверх — вниз — а сторонами... Его лицо было сурово, оно удивило и испугало Конопатина. Всего ожидал мудрый политрук, только не этого. Он готов был увидеть сияющее довольством и браво улыбаюе лицо героя, Козьмы Крюжкова, Тартарова, а увидел стиснутые зубы, ввалившиеся щеки, лихорадочный, голодный взгляд. И механические, напряженные усилия — три, четыре... — словно разжималась и сжималась пружина в механизме, работающем на тутом ходу.

— Ты что это делаеш? — нехотати спросил Конопатин.

— Видишь ведь... Три, четыре...

— А зачем?

— Три, четыре...

Взгляд винтовкой, как рукой! Чувствовать ее мускулы, как свои, ее кожу, как свою, ее нервы, как свои, ее душу, как свою! Три, четыре...

Конопатин молча следил за ним. Потом неожиданно спросил:

— Сегодня тренировочную стреляли?

Алексей опустил винтовку.

— Стреляли.

— А ты стрелял?

— Конечно.

— И стрелял... плохо?

Гайдаш молча вскинул винтовку и со злостью продолжал гимнастику.

— А завтра завешиваи стрельбу? — всеумально продолжал политрук. — И о стрельбе

рапорт командующему? Продолжайте, товарищ Гайдаш, я вас поюла. Три, четыре...

И он, смеясь, обнял Алешу за плечи.

— Ах ты, чудо-юдо руба-ка! Значит, и тебэ задело? Задело ведь, сознавайся. Я так и знал. Я знал это. Такое время, брат. Нельзя в сторонке. Я знал, что эта будет. Ну, давай, брат, давай истонкуем, садись. Ты свой стрелковый недостаток знаеш?

Знает ли он? Алексей грустно усмехнулся.

Он тащил свой стрелковый недостаток за собой, как проказу. Он был дергун. Нетерпеливо и зло рычал от слуховой крошечки. Ему не хватало выдержки, спокойствия, уверенности. Все было у него — отличные глаза, крепкие руки, хорошее дыхание, упрямая башка на плечах. Не было только выдержки, дисциплины. И это решало все. О, он знал свой стрелковый недостаток и боролся с ним, как с чертовой характерой.

«Дергун я, дергун, во всем дергун», — со злостью признавался на себе.

— А я тебэ не такти ожидал увидеть», — признался Конопатин. — Думал, завлялся уж.

Бернардино Пинтуриккио (1455—1513).

«Портрет мальчика».
Дрезденская галерея.

Ян ван Гоелен (1596—1656).

«Ногорцы у ирестаньской химимы»,
Дрезденская галерея.

ДВА МЕСЯЦА В ПЕКИНЕ

Гастрольная поездка с театром имени Станиславского и Немировича-Данченко в Китайскую Народную Республику стала незабываемым событием в моей жизни.

...В Пекин поезд пришел в ясный, солнечный день. На вокзале нас встречали представители театральной и музыкальной обществ города. А лица их светились такой радостью, что мы сразу почувствовали себя, как в родной семье.

Их спектакли должны были проходить в театре «Небесный мост», который строился в рабочем районе Тянь-Цао. Совсем недавно этот район славился своими трубочными, а сейчас его застраивают многоэтажными красивыми домами.

К нашему приезду постройка театра еще не была закончена. Между тем до премьеры оставалось только пять дней. Мы думали, что наши друзья не успеют закончить работу, тем более, что в Китае на строительство еще мало машин и много делается вручную. Но друзьями усилиями организованности, которые помогают нашим друзьям делать чудеса, новое здание театра было закончено точно в срок.

Мы показали в Пекине шесть спектаклей. Особенно большим успехом пользовались «Лебединое озеро», «Эсмеральда» и «Евгений Онегин». Узнав, что в репертуаре советского театра будет «Евгений Онегин», многие пекинцы заранее читали произведения Пушкина, чтобы лучше понять оперу. Стремление попасть на спектакль советского театра было так велико, что уже за два месяца до гастрольной поездки были распроданы.

В дни гастрольей мы дружились с китайскими артистами и музыкантами. Наше первое знакомство с ними произошло во время экскурсий в Астий импортерской оперы. Перед спектаклем все нам раздали шелковые розочки: музыкантам — зеленые, артистам балета — розовые и т.д. У китайских говорщиц тоже были приколоты разноцветные розочки. Так мы смогли найти товарищей по профессии и поговорить с ними.

Мне было немного грустно, что я не встречаю своих коллег — артисток, потому что в оркестрах Пекина арф пока нет. Правда, я знала, что скоро они будут. Советский Союз уже послал в дар оркестру первую арфу, изготовленную советской фабрикой. И вот мне сказали, что меня ждет молоденькая девушка Лю Шу-тун, артистка. Мы встретились как хорошие друзья. Конечно, трудно было объясняться без переводчицы, но мы дополнили слова жестами и хорошо понимали друг друга.

Второй раз мы встретились с музыкантами Пекина на симфоническом концерте, который они устроили для нас. Исполняли симфония «Сольвейг» Монтеверди, увертюра к опере «Руслан и Людмила» Глинки, симфоническая увертюра «Весенний праздник» китайского композитора Ли Хуан-дэ и мелодия русского. Исполнение было прекрасным, и даже с трудом верилось, что оркестры, участвовавшие в этом концерте, существуют всего два года.

Коллективы симфонических оркестров состоят исключительно из молодежи. Концертмейстеру центрального симфонического оркестра всего лишь двадцать два года. Он скрипач и, кроме того, имеет диплом концертмейстера. Концертмейстеру оркестра экспериментальной оперы — двадцать четыре года.

После концерта мы долго беседовали со своим новым другом. Мы говорили о том, какие дни стали заниматься с ними, ставящие для этого короткий срок передать им свой опыт.

Занятия проходили в ростижне. На это время она превращалась в своеобразную студию. Из всех приборов носился звук скрипок, флейт, виолончелей.

Моя ученица Лю Шу-тун пришла из Чанчуня. С напряженным вниманием следила она за всеми объяснениями во время занятий и быстро все запоминала.

За два месяца наши китайские друзья благодаря их исключительной восприимчивости, огромной упорной работе научились многому.

Вскоре мы дали концертный концерт. На нем выступил смешанный оркестр китайских и русских музыкантов. За каждым музыкантом сидел ярялом китайец и русский. Неожиданно произошел мы исполняли под управлением главного дирижера экспериментальной оперы Ли Го-чена.

Молодые артисты балета испанский испанский и венгерский танцы из «Лебединого озера». Особенно нас поразила одна из девушек. Не верилось, что она учится всего год — настолько уверенно, темпераментно, красиво танцевала она испанский танец. После выступления в опере «Запорожье за Дунаем». За долго аллодрора талантливая молодежи, которая, в свою очередь, благодарна наших артистов за помощь. Эти спектакли выжились в демонстрацию друзьям двух великих народов.

За время пребывания в Пекине мы с огромным интересом изучали замечательное китайское искусство. В экспериментальном оперном театре мы слушали оперу «Лю Ху-ань». Эта опера — наглядный пример становления реализма на современной китайской сцене. Она повествует о девушке Лю Ху-ань, которая отдавала жизнь за свободу своей отчизны. До сих пор ее имя с любовью, уважением и гордостью вспоминают миллионы ее соотечественников.

Мне было件казано, как село Юнь-чжоу, в котором находились ранние бойцы Народно-освободительной армии, захватили чанкайшинов. Жители надежно спрятали бойцов от врага. Молодая коммунистка Лю Ху-ань тоже осталась в Юнь-чжоу, чтобы ухаживать за ранеными.

Чанкайшинам удалось поймать Лю Ху-ань. Героиня погибает, но не выдает бойцов. Когда Народная армия освободила село, крестьяне и воины на могиле Лю Ху-ань поставили обелиск в ее честь, чтобы чтить врага.

Этот спектакль превзошел все наши ожидания. Замечательно играла все артисты и особенно Фан Сю-тин, создавшая незабываемый образ молодой героини. Сцены прощания с матерью, допроса и казни были проведены артисткой с огромной драматической силой.

В классической китайской опере нас поразило своеобразно постановки. Здесь существует множество условностей, которые делают спектакль совершенно необычайным для наших глаз, особенно поначалу. Например, если герой идет по сцене всадя за другим актером, — это означает, что герой едет на лошади. Если супруга героя выходит на сцену, плавно покачиваясь, держа в руках две палки, — это означает, что она идет в карете. Если актер несколько раз проведет по сцене, зрители знают, что он утомился и должен лечь. Если в его руках весло, — значит, он плывет на лодке. Все эти «условные знаки» отлично известны китайским зрителям, они привыкли к ним.

Как условность и в гриме. Если пожилого человека играет молодой актер, он не гримируется, а только привязывает себе бороду. До сих пор жесткие роли в китайском классическом театре часто исполняются мужчинами. Декораций почти нет. Действие сопровождается музыкой, исполняющейся на народных инструментах.

Театр классической оперы называется также и Мей-Лань-фанским театром. Назван он так в честь китайского артиста Мей Лань-фа, который до сих пор, несмотря на свои шестьдесят лет, играет на сцене роли молодых девушек. Правда, теперь он выступает уже не так часто: огромная педагогическая работа в Академии драматического искусства, обширная общественная деятельность отнимают у него много времени и сил. Но нам повезло. В спектакле «Храм золотых гор», на который мы поехали, Мей Лань-фан сыграл роль прелестной молодой девушки. Играла он удивительно легко, грациозно, пластично, и невозможно было себе представить, что перед нами шестидесятилетний мужчина. Вторую женскую роль играл сын Мей Лань-фана Мей Бао-доу, Мей Лань-фан в течение последних лет много делает, чтобы приблизить классическую оперу к массам, чтобы сделать ее понятной и доступной для рабочих и крестьян. Вся его работа в театре и театрального искусства и науку.

Всего всего и классической опере нас поразило актерское мастерство. Артисты в совершенстве владеют телом, голосом, мускулатурой лица. Акробатические движения, сны подлинков и сражений не могут не восхищать своей точностью, экспрессией. И все это полно смысла, содержательности, красоты!

Не раз бывали мы и на концертных выступлениях. Нам приятно поразило большое количество исполнителей на русском языке произведений классиков русской музыки и советских композиторов: ария Мизгиря из оперы «Снегурочка», романс Антониды из оперы «Иван Сулавин», дуэт Лизы и Полны из оперы «Пиковая дама», романсы Чайковского и Римского-Корсакова, ария Альби из оперы «Молодая гвардия», песни «Москва — Пекин», Муравлев, народная песня «За оплом черемуха красненькая».

...Наступило время нашего отъезда. Мы сердечно прощались со своими друзьями, ставшими нам дорогими и близкими за такой короткий срок. Вернувшись в родную Москву, мы тепло вспоминаем китайских товарищей, познакоивших нас с замечательным искусством своей великой страны.

Пусть крепнет дружба наших великих народов!

Ирина СОВЕТОВА

Мей Лань-фан в женской роли (опера «Опьянение Ли Гуй-фай»).

Олег Андреев и Асхат Ашрапов на съемках.
Фото Г. Борисова.

ПЕРВАЯ УДАЧА

...Конец августа. Густой предутренний туман окутал берега Оки. Работок застыл над своими удочками. Сквозь серую массу с трудом пробивается бледный свет зари...

Так начинается фильм об одном из последних дней лета — арменин первых желтых листьев на кленах, последних пионерских и более охотничьих костров. Этот фильм — дипломная работа трех выпускников Государственного института кинематографии. О них мы и хотим рассказать.

***

Студенты операторского факультета Асхат Ашрапов и Олег Андреев занимались в институте под руководством профессора Э. К. Угеса и А. Д. Головина. Не только не приходило им считать за эти годы Нивалю с «неповторимой» фотографией: с тислов, портретов, интервью. Почти перешли на съемку пейзажей. Далее последовали спортивные репортажи и короткие киноочерки.

Особенно большую пользу принесли студентам репортажи. Тут надо быстро, почти мгновенно определить композицию съемки, найти правильную позицию для аппарата, чтобы он как бы «сидел» за происходящим, но своего присутствия не обнаруживал.

Последний курс, заключительный этап учебы — съемка фрагментов из «Войны и мира» Толстого. А дальше — дипломная работа.

В качестве дипломного фильма руководители кафедры посоветовали Ашрапову и Андрееву записать работу студентов в лесном заповеднике. Предполагалось

сделать эту картину на цветной пленке. Но пока доставали пленку, собирали материал, пушистая заморозил практику и разъярился по домам. Снимать заповедник было уже не так интересно.

Вот тут-то ив одном из вешеров в клубе и произошла разговор молодых операторов с Виктором Заком, студентом-выпускником режиссерского факультета. Поделились мечтами, планами. Виктор рассказал друзьям, что он давно собирался заснять короткий киносюжет о бывшей усадьбе художника Поленова. Почему бы им совместно не сделать этот фильм? Подумав, Асхат и Олег согласились: работа обещала быть интересной. К тому же Ашрапов был на Оке прошлым летом, когда проходил практику в съемочной группе фильма «Верные друзья», и хорошо знал те места.

Тема не вызвала возражений и со стороны руководителей кафедр. Асхат и Виктор выехали на Оку, чтобы наметить места будущих съемок. И здесь студенты увидели, что первоначальный замысел их слишком жестко. Было решено, что усадьба «Поленово» станет частью широкого рассказа о летнем дне на Оке.

Началась кропотливая работа. Надо было написать предварительный сценарий. Многое в нем, конечно, должно измениться по ходу съемок, но это не мешало молодым людям обсудить каждый кадр будущего фильма. По несколько часов ежедневно проводили они в залах Третьяковской галереи у полковника Левитана, Поленина и других мастеров пейзажа, перечитывая произведения, в которых описывалась природа средней полосы России.

В начале августа маленькая экспедиция выехала на место. С рюкзаками за плечами и шумя небольшими съемочными камерами в руках юноши появились однажды утром на тихих, поросших травой улицах Тарусы. Обосновались в одном из домов, и работа началась.

Тот, кто не знаком с техникой натурной съемки, не подозревает, какое терпение и выдержка она требует. Капризная природа ежесекундно готовит какой-нибудь сюрприз: то вкестати набегит облачко, то ветер покрест рыбальскую реку — и снимать задуманный кадр уже нельзя, дожидаясь другого случая. А студентам нельзя ждать: был конец лета, и солнечные дни выдалась редкостью. Юноши вставали до рассвета и терпеливо «подстерегали» какой-нибудь особенно красивый восход. Многие уже было заехали, но на следующее утро начало у фильма все еще не было.

Однажды Олег вбежал в комнату, когда его товарищи еще спали.

— Ребята, — закричал он. — Вставайте! Туман пришел! Это было радостное событие. Давно они решили начать фильм с кадрами вставания сквозь туман солнца. Заманчиво, но трудно-достижимое начало: искусственно тумана не создашь, а когда он вздумает выльнуть и выветит ли вообще, никому не известно.

И вот первый, так долго ожидаемый туман на Оке! Схватив аппаратуру, дрожа от предутреннего холода, друзья бросились к реке.

Решили начать съемку с бакана, мерзавшего сквозь серую туману. Но то, что видит глаз, не всегда может запечатлеть объектив: его нех бакана оказалась недостаточно ярким. Пришлось пойти на хитрость — подсветить его сильной электромолнией. При этом не обошлось без неприятной неожиданности: оприцкалась лодка, и Олег оказался в холодной воде. Но наконец бакана «занялся». Это была большая победа: утренняя туману со всеми его живописными эффектами был «схватчен» объективом.

Два с половиной месяца прожили в Тарусе выпускники-кинотехники. Глубокой осенью, когда полились беспрерывные дожди и небо прочно затянулось облаками, студенты ввязались рюкзаны на плечи и, сопровождаемые друзьями-школьниками, отправились в Москву...

***

В Институте кинематографии есть комната, на двери которой висит дощечка с надписью: «Монтажная». Почти всю зиму Виктор, Асхат и Олег проважи в ней. Сквозняки и стужа, ала, смотрящим стеклом, они кадр за кадром просматривали заснятую ленту: в фильме не должно быть ничего лишнего, загроможденного действия. Для этого и существует искусство монтажа, владеть которым для режиссера и оператора не менее важно, чем уметь выбрать хороший объект или найти удачное освещение.

Иногда между юношами возникали горячие споры: ведь каждый кадр, начертанный в сокращениях, приходится вырезать с боями.

— Как хочешь, Виктор, а дождь придется выкинуть, — утверждал Асхат. — Показался внезапно грозы, первые потоки лирия — и хвать.

— Слушай, это же такой дождь! Забыло протестовало Олег! — Каждая кадра играет!

— Ничего не поделаешь, дождь Асхат прав. Жаль, конечно, дождя, но искусство требует жертв! — Сердца сердце соглались Виктор.

И дождь вытерпелась. А было и так, что все трое «сражались» с профессором Кухаровым: были отобраны и смонтированы отрывки из произведений Чайковского, Скрябина... Самым трудным моментом вылась запись песни, которую поют пионеры на борту отплывающего парохода. Приходилось «подогнать» эту песню под ранее заснятые кадры. Ведь слова должны точно совпадать с действиями кадра, — это слышаркушная пошлость.

Итак не так просто! Иной раз в песне звучит «и, а рты у ребят явно раскрыты для широкого «э». Неелкая эта работа!

Но вот, наконец, все готово. Наступает час, когда в большом просмотровом зале института собираются члены государственной экзаменационной комиссии. Гаснет свет, и перед глазами комиссии прохладят кадры дипломного фильма, в который три молодых специалиста вложили все накопленное в институте знания, весь свой забор, всю влюбленность в избранную ими профессию...

Фильм получил высокую оценку экзаменационной комиссии. Этот поэтический рассказ о родной русской природе вместе с другими работами советских кинематографистов демонстрировался на прошедшем недавно кинофестивале в Каннах и после этого был подарен Парижскому институту кинематографии.

В. СТРУВ,
Г. СИНЕЛЬНИКОВ

Кадры из дипломного фильма «На Оке».

Рекорды

Говора откровенно, Владимир Куд не ожидал того, что произойдет на лондонском стадионе «Уайт-сити» в последний день легкоатлетического матча СССР — Англиа. Владимирку казалось, что он наверняка побьет им же установленный мировой рекорд в беге на 5 000 метров. Но неожиданно на самом финише англичанин Чатауз на какую-то сотую долю секунды раньше его коснулся ленточки. Этот миг не в состоянии были засечь секундомеры: бегуны показали одинаковое время — 13 минут 51,6 секунды. Но победу, а вместе с ней и новый мировой рекорд присудили англичанину...

Впервые Владимир Куд встретился с Чатаузом на первенстве Европы в швейцарском городе Берне. Сразу же после старта Куд вырвался вперед и пошел бег в очень высоком темпе. Чатауз же ожидал этого. Кто же так начнет бег на 5 000 метров? При таком темпе бегуны будут выдохнутся, и в второй половине дистанции легко будет обогатить. Англичанин знал, что именно на финише выиграли бег у Куды чешский спортсмен Эмиль Затопек в Бухаресте и венгр Жоель Ковач в Вупатине.

Но на этот раз обстоятельства сложились иначе. Мощными рыками Куд ухитрился еще дальше и дальше. Темп бега советского спортсмена был настолько высок, что его не выдержали венгр Ковач и немец Шаде. Они сошли с дорожки. Чатауз напрягал последние силы. Ему удалось обойти Эмиля Затопек, но большого успеха он не смог. На финише англичанин был вторым, отстав от советского бегуна на семьдесят метров.

Когда репортеры объявляли, что Владимир Куд установил новый мировой рекорд, Чатауз понял, что борьба в Лондоне предстоит жестокая. Чатауз же опасаясь отрываться от этого бедоюрусского парня, который опрокинул все представления о тактике бега на пять тысяч метров.

Видимо, урок, полученный в Берне, не прошел даром. В Лондоне Чатауз построил свой бег иначе. Со старта он пошел следом за Кудом. На стадионе наступила тишина, было темно, и только два луча прожекторов, скрестившиеся на дорожке, воспроизводили спорщиков. Куд часто делал броски, промахиваясь высоким темпе 200—300 метров, надеясь оторваться от своего соперника. Чатауз, стиснув зубы, из последних сил ускорял бег и вновь вскакивал ему на пятки.

Так они прошли половину дистанции. И по тому как загудели трибуны, скандируя: «Чатауз!» — Владимиру стало ясно, что английский спортсмен, неотсутствующий следовавший за ним, не собирается уступать первенство.

Куд увеличил темп бега. Вспраж, последняя прямая. Видна уже ленточка финиша. И вдруг откудал-то из-за спины вырвался Чатауз! Завоевич бег бы, обессиленный, устал на руки своих товарищей. «Славабо будет», — первое, что сказал Чатауз, когда его уносили с беговой дорожки. Ему было до за что благодарить Куду: иначе не было бы рекорда...

Это был третий случай, когда Владимира благодаря зарубежным спортсменам. В 1953 году в Бухаресте он на своих пашаках «привез» к победе Эмиля Затопек. Тогда Затопек сказал, что золотая медаль принадлежит Куду. Затем та же картина повторилась в Будапесте, когда Ковач на последних метрах вырвал у Куду победу. Теперь Чатауз...

Признательность спортсменам приятна. Но победителям оставались другие, а это он. Позже, когда Куд не выиграл, а на высокий результат ошибочно? Но ведь в Берне, где на беговую дорожку вышли славяне бегуны Европы, был и мой рекорд Куды! Золотую медаль чемпиона СССР и мировое достижение! Значит, если бежать еще быстрее, по заранее намеченному трафику, можно и пять и мой рекорд Чатауза. Владимир Куд был уверен, что отберет этот рекорд. На лондонском стадионе сразу же после забега он заявил корреспонденту через десять дней в Праге на матче легкоатлетов СССР — Чехословакия побед рекорд английского спортсмена...

Самое подлетка в Праге. Под крылом пропывавши поросине лесом горы, разоблаченные как острова, высокие ленточки поисейных в просекающих дорог, пожелтевшие осеани поля. Было пасмурно. С запада позлали тяжелые серые тучи. Из сводок Владимир знал, что в Праге прошел дождь и погода не улучшится. Значит, бежать будет трудно. Но легкоатлетический матч СССР — Чехословакия должен состояться независимо от погоды.

Самолет сделал круг и пошел на посадку. На аэродроме ждали советских спортсменов. Владимир Куд вышел из самолета, задержался на лестнице, отсыкаясь кого-то глазами, и вдруг заулыбался. К нему шел Эмиль Затопек. Высокий, худощавый, одетый в спортивный костюм, он выделялся среди сопартийцев. Куд и Затопек встретились как старые друзья. Затопек, подхватив под руку своего русского товарища, сейчас же спросил: — Ну как, будешь бить рекорд? — Угу! — У нас прошли дожди, грунт мягкий... — И все-таки я буду бить!...

— Стадион Армии, где происходит соревнование, стал всеюнка кама. Люди сидят в проходах и у самой борки. Сейчас начнется интересный бег — на 5 000 метров.

Рекордсмен мира Владимир Куд на дистанции. Фото А. ВОЧНИНОВА.

Среди участников Куд и Затопек. Оба волнуются.

Выстрел. Бегуны равнулись со старта. Сначала они идут ритмом. Но вот Куд делает попытку выйти на первую дорожку, и тотчас же все участники забега устремляются за ним. Слева, закинув голову назад, и выставив правое плечо вперед, бежит Эмиль Затопек. Газа у него полузакрываю, на лице заметно какое-то болезненное выражение, как будто он уже израсходовал все свои силы, и вот-вот сойдет с дорожки. Но это только выражение, и не больше. Владимир прекрасно знает, что оно не изменится у него до самого финиша, а сил будет достаточно, чтобы бороться за победу до конца.

На повороте Куд снова делает рывок и выходит вперед. Он идет широким шагом, слегка наклонив голову вниз. Пробег первый круг, второй, третий. Владимир не оглаживает, но инстинктивно угадывает, что Затопек близко к сильной сессас нет. Видимо, он отстал по крайней мере на десяток метров. Как трудно бежать! Повея мягкая, да еще сильный порывистый ветер бьет в лицо, затрудняя дыхание.

Половина дистанции пройдена. Затопек отстал от Куды метров на три. Зрители волнуются. Хорошо зная своего бегуна, они думали иначе, что это тактический прием: Затопек будет идти в своем темпе, сохранит силы, а потом обойдет Куду. Но по ходу бега уже сейчас видно, что ему вряд ли удастся выполнить этот замысел. Затопек делает еще одну попытку приблизиться к Куду, но безуспешно. Тот уходит все дальше и дальше, и снижает темп. Везд Владимиру нужна не просто победа, а рекорд!

Со стороны кажется, что Куд идет легко, свободно, без особого напряжения сил. Но это впечатление обманчиво. Сильные нервы у Владимира напряжены до предела.

Прошло еще три круга. Теперь разрыв увеличился на 150 метров. На трибунах гуд и волнение. Бесна ясно: победителем будет Владимир Куд. Зрители все чаще и чаще начинают скандировать: «Куд! Куд!»

Последний круг. Откуда только берется сила? Владимир делает решительный бросок и выходит на финишную прямую. Как стремительно его бег! В этот последний бросок он волею всего себя, всю силу и энергию.

И вот наконец ленточка трещит на груди Куды. Со всех сторон его окружают фотоаппараты и товарищи. Чуть согнувшись, он медленно идет по дорожке, успокаивая дыхание.

Стадион гремит. Куд слышит, как десятки тысяч людей скандируют его имя. Сжав руки и подняв их над головой, Владимир с усталой, но счастливой улыбкой отвечает на приветствия.

А вот наконец и объявляют результаты победителя: 13 минут 51,6 секунды. Это новый мировой рекорд. Снова в рукоплесканиях дрогнул стадион.

Вечером в гостинице Владимир Куду вручили телеграмму: «Поздравляю великого бегуна с осуществлением великого замысла. Чатауз!»

Это было последнее международное соревнование 1954 года, в котором участвовал Владимир Куд...

Прошла зима. Для Куды она была не совсем обычной. В любую погоду он находился на тренировке в Измайловский парк культуры и отдыха и бегал так же, как и летом, в том темпе и с той же нагрузкой. Он знал, что летом предстоит ответственное соревнование, поездка на фестиваль в Варшаву, где на беговую дорожку выйдет славянский бегуны, где еще больше окрепнет дружба молодых спортсменов всего мира.

Н. ШОМИЧЕВ

Василий АРДАМАТСКИЙ

Повесть

(Продолжение. См. №№ 11, 12)

Во время Великой Отечественной войны Григорий Окемов, извещая Радие, перешел на сторону врага. После разгрома гитлеровской Германии Окемов прибрал к рукам американскую разведку. Он заанимался шишкой шпионажа и диверсий. Спустя несколько лет Окемова забрасывают на территорию СССР. Он признается в парашутом в Лесном районе, вблизи большого города В, где находится интереснейшая американскую разведку научно-исследовательский институт, руководимый профессором Волыным.

Воспользовавшись доверчивостью прозежного мотогонщика, Окемов выбирается из Лесного района, а затем, уезжая из местности, находит интереснейшую американскую разведку. Он считает укрываться в доме своей давней знакомой. В это время в лесу, где признался диверсант, уже ведется поиск...

4

Поиск в «Черном бору», начавшийся утром, продолжался весь день. Впереди медленно двигались примыние из города проводники с собаками. За ними шершавой, растущейся на километр, шло более ста человек. Руководивший поиском старший лейтенант Гончаров все время перемещался вдоль цепи; ему казалось, что поиск ведется небрежно и только поэтому за целый день не достигнуто никакого результата. Гончаров злился. Был он чекистом молодым и еще не успел выработать в себе хотя бы внешнюю выдержку.

Первым заметил подозрительное местный устье, участвовавший в поиске. Он подползал Гончарову и показал на вершину высокой осыпи, где виднелись словянные сучья с елкой не походящей листвой.

— Перебьть по цепи — остановиться! — крикнул Гончаров. Одна из собак зарычала, остановившись на краю ямы.

Это была та самая яма, некогда вырытая охотниками на волков, в которую после приземления свалился Окемов.

Гончаров сделал несколько снимков местности. Затем сфотографировал видневшиеся на ней дымы следом осторожно спустился в нее. Запол под его ногами мягко спружинала. Гончаров копнул носком сапога землю и сразу увидел белый шепк парашюта. Он осторожно извлек скользящий купол, передал его товарищам. Больше Гончаров ничего найти тут не мог, только жабя бег усталые все кидалась на стеньгу ямы и скатывалась под ноги.

Гончаров выбрался из ямы и приказал проводникам искать след. Собака замателась по лесной чаще, но, покружившись, снова и снова возвращалась к тому месту, где только что был найден парашют: след отыскать не удавалось. Вскоре к Гончарову подошел один из проводников и молча подал плоский металлический флажок.

— Хорошо — машинально произнес Гончаров, кладя флажок в карман. Он в эту минуту уже думал о том, что совсем недавно самой большой радостью казалось ему обнаружить место приземления диверсанта, и вот это место найдено. А самое важное и самое трудное — поиск парашюта! Без яврага — вперед. Попробуй, найди е! По опыту Гончаров предполагал, что база находится не меньше чем в десяти — пятнадцати километрах от места высадки. Но где, в каком направлении?

Гончаров разбил поисковый отряд на четыре группы, которые должны были двигаться с отя от различных направлений. И только тут он заметил, что везало быстро двигаться. Вести поиск ночью не имело смысла. Приказав людям располагаться на ночлег, Гончаров взял парашют и направился к лесной дороге, где его ожидала машина. Он решил поивидеть с Потановым, который должен был находиться на ближайшей от бора станции — Десная...

Потолова на станции не оказалось. Дежуривший там сотрудник оперативной группы сказал, что майор поездом уехал в город; нужно было зтой поезд обследовать. К утру он обещал вернуться.

Маленькая, глухая станция казалась совер-

шенно безлюдной. Гончаров вместе с сотрудником вошел в зал для пассажиров.

— Ну и глушь, точно вымерли все! — промолвил Гончаров, садясь на жесткий диван.

— Да тут за сутки всего один поезд проходил, ответил сотрудник. — Это же дорога не сквозная, ветка к лесозаводу — и все. Ну, а как ваши дела?

— Место приземления нашли, теперь предстоит найти иголку в стоге сена.

— Найдете! Шанками заждем! — разозлился Гончаров.

Сотрудник промолчал и через минуту вышел из верной.

В это время Потанов входил в кабинет полковника Астанова.

— Докладываю: поезд обследован тщательно. Ничего...

— Ничего не нашли, знаю, — перебил его Астанова. — И не могли найти. Интереснейшая была личность уже в городе. Вот, читайте...

Потанов прочитал запись двух телефонogram. В одной сообщалось, что на окраине города, близ сто первого почтового отделения, обнаружен оставленный кем-то мотоцикл ижевской марки. В другой говорилось, что в двадцати километрах от Островка колоссальной ластух обнаружены в лесу вод мостом труп молодого человека, который казался трактористом из Понизья.

— Я уже говорил с Понизьевым, — продолжал Астанова. — Тракторист Сергей Любежко на рассвете выехал в Островк на собственном мотоцикле ижевского завода. Полчаса назад вернулся из Островка люди, которых я туда послал. Ничего существенного не привезли. Любежко убит выстрелом в затылок. Пастух слышал шум мотоцикла, а выстрела не слышал. В общем, ясное; явраг явраг сильный и хорошо оснащенный. И не случайно явраг он под воскресенье — расчет на то, что мы в зтой день не работаем. Он оставил перед собой задачу: любым способом в течение зтого дня добраться до города, где ему скрывается легче: ведь город-то большой. Задуму свою он успешно решил. Что там у Гончарова?

— Не знаю. Я его не видел. — Поезжайте сейчас же в Лесное, найдите Гончарова, пусть продолжит поиск и два раза в сутки звонит мне. Помните, как он там все организовал, и возвращайтесь. Я жду вас не позднее десяти часов утра...

5

Окемов остановился возле маленького домика на окраинной улочке. Сосмотревшись по сторонам, он доложил и вернул и вышел за кольцо перекопанной калитки, над которой висела номерная знак: «Перемоайская ул., д. № 6, А. П. Гурков».

Хозяйка дома Адалия Петровна Гурков удивленно смотрела на вопелего во двор незнакомого.

Окемов перешагнул порог и остановился, с улыбкой смотря на Адалию Петровну.

— Не узнаете?

— Простите... Нет, — растерянно произнесла она.

— Окемов. Григорий Максимович Оке-

мов. — Григорий Максимович? — воскликнула Адалия Петровна и, точно испугавшись произнесенных слов, зажала рот рукой.

— Я, я, Адалия Петровна, я, собственной персоной! — добродушно рассмеялся Окемов.

Адалия Петровна подошла к нему ближе.

— Не верю... Не может быть, — прошептала она, и вдруг глаза ее округлились, она запыкала и уткнулась лицом в плечо нежданного гостя.

Окемов прекрасно знал, почему Адалия Петровна плачет, и терпеливо ждал, когда она успокоится.

И вот они сидят за столом друг против друга, и Адалия Петровна не сводит с Окемова восторженных и будто еще не верящих глаз:

— Гляжу, гляжу на вас, Григорий Максимович, и все понять не могу: о сие это происходит или наяву?

— Нет, мила Адалия Петровна, я не привидение.

— Побойте меня! Мои Сани пшел с фронта, так в с ним в одной части, а через месяц сообщил: Окемов погиб при отступлении. Больше писем от него не было... Готовая заплакать, Адалия Петровна поднесла к глазам платок.

— Воля, Адалия Петровна, воля... Лучшие сыны народа погибли в херобсти. Своей вы можете гордиться. О его храбрости говорил весь батальон. Его любил, и кто остался жив, никогда не забудет... — Спасибо, родной! — сквозь слезы бормотала она. — Каждое слово о Саве — мой единственная утешка. А как же зтой вы?

— Как я воскрес? — помог ей Окемов. — Довольно обычная история. Тогда, в августе, я был тяжело ранен. Фронт откатился на восток. Меня подобрали и спрятали колхозники. Они меня и выжили. Потом — партизанский отряд. От партизан — снова в армию и я — поход до Берлина. А там на колхозе

рейхстага рядом со своей фамилией я написал и имя вашего Сани: «Серггей Александр Гурков».

На глада Адалия Петровна снова извернулась слезы.

— Не обижайтесь на меня, дуру. Можно мне вас поведовать? — Адалия Петровна поврависто обняла Окемова и подцеловала в лоб. — Я ведь думала, что о Саве одна я помню...

— Как вам не стыдно? — Окемов выжал приличествующую моменту паузу. — Ну вот... А знаете, кем я стал? Киньте мне, пожалуйста...

— Кинуть? Да что вы?! Как же зтой?

— Воля, Адалия Петровна, многих сделала писателями. Мы столько пережили там... Молчать нельзя. Народ должен знать, чего стоит нам наша победа. Знать и восслаб об зтом помнить. А кинуть, над которой я сейчас начал работать, я хочу посвятить светлой памяти вашего Сани.

— Я прямо не знаю, что сказать вам.— Адалия Петровна захохотала от волнения.— Я мать, потерявшая единственного сына. И вы такой человек... Такой человек...

— Да оставьте вы, ей-богу! Я самый обыкновенный человек, который не забывает дорожных и близких ему людей. И все.

— Спасибо, родной. Спасибо от матери. Вы где же остановились? Небося, в гостинице?

— Нет. И как раз я хотел спросить вас: не можете ли вы приютить меня на неделю?

— Как вы можете сомневаться? — Я не хочу жить в гостинице. Мне нужен тихий и скромный угол, чтобы спокойно поработать.

— Мой домик, Григорий Максимович, в вашем распоряжении.

— А вы расскажете мне о Сине. Я ведь его детства совсем не знаю. Когда до войны бывала у вас, бегал тут вот такой... с белыми штрами. И все.

— Да, бегал... Адалия Петровна вскрикнула.— И нет его.

— Нет, Адалия Петровна, он есть... Он будет жить в моей книге. Герои не умирают никогда!

— Я все-все расскажу о нем. Он ведь и в детстве был удивительным мальчиком. Когда умер мой муж, вы в нашем городе уже не жили?

— Я уехал раньше.

— Сания осталась без отца пятнадцати лет. Мы вернулись с кладбища, а он говорит мне: «Мама, не волнуйся, теперь о тебе буду заботиться я, и все будет хорошо, вот увидишь...» Я ему скрывала...

— Адалия Петровна,—осторожно перебил Окаемов,—вы все это расскажете мне последовательно. Мы поспятим этому все вечера. Идет?

— Хорошо, хорошо... Боже мой, что же это я не спросил вас, вы, небося, с дороги не кушати?

— Не откажусь, Адалия Петровна...

— Я сейчас, сейчас...

— Дайте мне пока почитать фронтовые письма Сани. Можно?

— Конечно! Они вот здесь,—Адалия Петровна поставила на стол деревянную шкатулку и ушла на кухню.

Окаемов открыл шкатулку. Сверху в ней лежали паспорт и невинная книжка хозяйки дома. Он быстро просмотрел их и с удовлетворением отметил, что штамп пропелки в паспорте был точно такой же, как и в его паспорте, изготовленных в Мюнхене. «Все идет прекрасно,—думал он.—И главное, я на первое время уже имею надежную крышу...»

Когда Адалия Петровна вернулась, Окаемов читал санины письма...

6

На столе была разложена большая карта города и его окрестности. Косой луч раннего солнца падал на карту и, отражаясь от ее глянцевой поверхности, слепила глаза склонившихся над столом Астангону и Потапову.

Астангов заархивался и потер наладками уставшие глаза.

— К сожалению, карта не ответит, зачем он сюда прибыл. И нем больше я смотрю на все, тем больше вижу объектов, которые могут его так привлечь. Зачем он приехал? Этот вопрос определяет уже суть первого этапа нашей работы.

— Но возможно, наш город — всего лишь обменный маневр и он переберется совсем в другое место? — предположил Потапов.

— Не думаю,—помолчал, сказал Астангов.—Раз уж они решились сбрасывать его так далеко от границы, им незачем было рисковать только ради того, чтобы мы обнаружили их расчет, по-моему, такой: высадка в густые наши территории с целью мгновенного приближения к объекту или к большому городу, где легче спрятаться. Так или иначе, мы обязаны на исходе жить и действовать, как это я прибыл именно к вам. Не забывайте, Потапов, что институт Волевского находится в нашем городе, а это для них очень заманчивый объект. Значит, институт Волевского... — Астангов своим парадоксальным вопросом на карте курьезно объяснил несколько кварталов города.— Это зона деятельности нашей оперативной группы. Но не забудем и другие

объекты.— Астангов оведал на карте еще несколько кругов.— Железнодорожный узел. Военный аэродром. Артиллерийский полigon.— Здесь будут работать другие группы. Но институт Волевского это главное. Убежден. Организуйте самое тщательное наблюдение за институтом и его загородным филиалом. Проведите беседы с жителями Волевского и его шифером, секретарем — все должно быть начеку. Осмотрите дачу профессора. Установите и точное наблюдение. Поговорите с самим Волевским, он должен быть осведомлен о возникшей угрозе...

Зная, что Волский приезжает в институт к одиннадцати часам, Потапов решил позвать его тотчас же. Дача Волского находилась на краю поселка. Прямо за воротами находился сосновый лес. Дача была обнесена высоким забором, по верку которого тянулась колючая проволока; это поправилось Потапову. Но совсем ему не понравилось, что калитка дачи оказалась распалубкой настежь. Потапов прошел через весь сад до площадки перед домом и здесь увидел Сергея Дмитриевича. Профессор учил сына ездить на двухколесном велосипеде. Он бегал вперед, выхлестывая велосипедом, что-то кричал, громко хохотал. Потапов на минуту притянулся за кустом сирени. Ему не хотелось мешать профессору. «Моему еще и трехколесный под силу», — подумал Потапов о своем сыне и, точно устояв этой посторонней мысли, решительно вышел из-за куста.

— Ты действуй смелей! Вот так! — профессор поставил ногу на педаль велосипед и хотел уже оттолкнуться, но в это время увидел Потапова.— Вы ко мне?

— Да, профессор. Извините меня, но разговор срочный...

Волский удивленно посмотрел на Потапова и пожал плечами:

— Ну что ж, проходите, я только вымою руки.

Потапов поднялся на веранду. В это время сынишка профессора промчался мимо велосипеда и через открытую калитку выехал на улицу. Вынул бумажку, Потапов записал: «Калитка. Мальчик».

— Я слушаю вас,—профессор Волский стоял в дверях, безудержно рассматривая Потапова.—Мы можем разговаривать здесь? Они сели за круглый стол. Потапов представил, Волский удивленно подала брови.— Возникла необходимость, Сергей Дмитриевич, немедленно усилить вашу охрану,—сказал Потапов.

— По-моему, институт охраняется достаточно хорошо.

Речь идет и о вашей личной охране. Если бы не было для того основания, мы не позволили бы себе вас беспокоить.—Потапова невозможно сдержать, что профессор слушает его подернутому равнодушием.

— Ну хорошо, я слушаю вас,—уже чуть любезней сказал Волский.

— Мы должны заблаговременно знать о всех ваших передвижениях в течение дня. Пусть об этом звонит ваш секретарь. Это первое. Затем мы просим вас на этот период несколько ограничить свое общение с посторонними людьми.

Волский усмехнулся:

— Хорошо. Еще что?

— Пока все, Сергей Дмитриевич.

— И как долго будет длиться этот ваш... период?

— Точно не знаю.

— Черт побери! — искренне выразилось у Волского.

Потапов рассмеялся:

— Не надо было вам делать открытий, которые так беспокоят некоторых госпол.

— Ладно, подчиняйтесь. Чью хотите?

— Спасибо. Простите за беспокойство. До свидания.—Потапов сошел с веранды и обернулся.— Между прочим, ваш мальчик выехал на улицу. Лучше бы его туда не пускать. И калитку запереть.

Волский промолчал.

Потапов возвращался в город. Из кабины он наблюдал неструю картину дачного пригорода. Мелькнули приюткино у сетки вольерности, дамы в неструю платье с положенным на плече, велосипедист, строй пионеров перед матчей с флагом, девушка и юноша у крыльца...

Потапов все это видел, но в его мозгу не-к-отступно и тревожно билась одна мысль: где сейчас тот, пока несведомый ему человек, которого он обязан найти?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Профессор Волский проводил депутатский прием в помещении горисполкома. Пришедшие к нему посетители сидели в коридоре и вели к нетерпеливому разговору о своих делах.

Первым сидел у двери Окаемов, рядом с

— Не беспокойтесь, дорогой Григорий Максимович,— залетела она.— Он у меня много времени не отнимет. Это наш сосед. Тут я во всем виновата. Начекая сказала ему, что вы писали. Он хочет рассказать вам что-то очень важное...

Окемов перевел дыхание, облизнул пересохшие губы.

Алла Петровна,— затворил он хриплым от злости голосом,— я бы просил вас, и самым решительным образом, не делать мне базарной рекламы. Я же по-русски говорил вам: мне такой угод для работы нужен. Иначе я бы оставался в гостинице. Ну как вы могли...

Окемова прервал решительный стук в дверь.

— Это он,— шепотом произнесла Алла Петровна.— Григорий Максимович, родной мой, ну, ругайте меня, старую дурку. Но не гнать же человека. Соседа. Поговорите с ним несколько минут.

Дверь открылась, и в комнату вошел плотный мужчина лет пятидесяти с желтыми обгоревшими усами.

— Добро пожаловать!— сказал он сам себе и церемонно поклонился Окемову.— Извините, конечно, но не знаю, как вас звать-величать.

Закончите, закончите.— Окемов дружески взял вожделенного под руку и проводил к столу.— Садитесь.— Он прильнула похихикало вином, и это несколько успокоило Окемова. Алла Петровна на цыпочках вышла из комнаты.

Благодушествую, опять же не ведаю, как вас звать-величать. А я буду, значит, Горбылев. Кирилл Евгеньевич Горбылев. Соседом прихожусь хозяине вашей Аллы Петровны. А до вас дело мое. Можно сказать, секретное дело.

— Слушаю вас, товарищ Горбылев,— Окемов пристально смотрел на гостя, думая: а вдруг это человек подослан чекистами?

Вы, значит, писатель и можете прописать в газету про наши безобразия.

— Интересно, какие же это безобразия?— механически спросил Окемов.

— Какие? Очень простые, товарищ писатель. Они ходят из лавды высасывать проценты и получают за это премиальные, а я им мешаю.

— Ничего не понимаю. Какие проценты? Кто они?

— Они, это значит, Пырьков — директор вашей промышленности. А я вам опять же мастер. Так вот, значит, артель плана не танет. Тогда Пырьков избобрел обман — как надо платить проценты из ничего, перевернуть опять же план и зарпестри премиальные. А я ему мешаю, поскольку я человек честный. Он принался меня обхаживать: так, мол, и так, хороший ты мой, подиши дурную рапортницу, и я тебя не дабуу. Ну, и т. д.

— Послушайте, товарищ Горбылев. Я писатель. В газетах не сотрудничаю, и такие факты меня совершенно не интересуют.

— Как так не интересует?— Горбылев от удивления даже встал.— Тут же мы имеем чистое жульничество, опять же за счет государства. А вам, значит, не интересно? Не пойму, как же это так?

— Очень просто. Я пишу про войну, и мне...

А это разве опять же не война? Только тут враг, значит, внутренний. Может, вы еще не разобрались, а чем тут соль? Так сложилась... Артель за квартал должна дать три тысячи двести штук жесткой посуды по четырем артикулам. Так? А дает, значит, от сиккула две тысячи с хвостом. А если взять и один артикул выкупить, вроде, значит, его и не было...

Жалит, товарищ Горбылев! Мне это совершенно не интересно! Понимаете?

— Ну ладно,— неожиданно согласился Горбылев.— Про биллоны да кастраллы не интересно. Но он же решил сожрать живого чело-

века! Чело-ве-ка! Меня ест! Раз я его комбинировать не иду,— значит, мне надо вышибнуть на улицу, и дело с концом. Это вам тоже не интересно?

— Товарищ Горбылев!— Окемов встал.— У меня нет времени слушать ваши истории. Понимаете? Нет времени. Прому вас: оставьте меня в покое.

— Говите, значит?— тоскливым голосом спросил Горбылев.

— Понимаете, как хотите. До свидания. Горбылев халобунил жезку.

— Эх вы, писатель! Залодно с ворам!— Он махнул рукой и вышел, хлопнув дверью.

Окемов с трудом подавил озлобление, вызванное этим дурачком выживотом, и задумался... Нелепая история! Какой-то Пырьков... артикулы... биллоны... А из-за этой чепухи принот под кришей Алланы Петровны перестал быть надежным. О существовании здесь писателя уже знает этот тип. Завтра он скажет еще кому-нибудь... Жаль, конечно, но рисковать нельзя — надо уходить. Надо пробраться к базе, взять там все, что нужно, и сменить кошку. А черт! И все испортила эта болтливая баба,— снова Окемова захлестнула злоба.

— Извините меня, Григорий Максимович,— а дверях появился Алла Петровна.

— Что же вас извинять? Можно только еще раз просить о том же — не делайте мне базарной рекламы!— еле сдерживая себя, сказал Окемов.

— Никогда и никому!— торжественно произнес Алла Петровна.

— Вот и прекрасно.— Окемов посмотрел на часы.— Через час я уезжаю в Борск. На пару дней. Нужно повядать там одноличничка. Вы уж, если можно, никому мой диван не сдавайте.

— Ах, Григорий Максимович, зачем вы так говорите?

— Ну, хорошо, хорошо, мнн,— Окемов протянул хозяйке руку.— Извините, Алла Петровна, если я сорочка сказал что-нибудь резкое. И до свидания.

— Я буду ждать вас, Григорий Максимович. Поскорее возвращайтесь.

— Во вторник к вечеру я вернусь...

Рисунки И. Гршнина.

— Не знаю, что могу дать поиски этого бухгалтера. Но я все же ваше предложение не отклоню,— сказала полковник.— Сколько в городе артелей?

— Четыре,— ответил Потапов.

— Сколько времени займет проверка?

— Думаю, немого.

— Хорошо, артель? Что у него?

— Ничего. Нервничает он, товарищ полковник.

— Я тоже нервничая. Сколько народу участвует сейчас в поиске?

— Человек двадцать. остальных пришлось отпустить: людей-то сорвали с работы, думали, на два—три дня. Гончаров сказал, что в воскресенье даже отдам всем. Велье многие уже неделю в лесу живут.

— Но сам-то он спать не ляжет?

— Я думаю, что он спать вообще разучился, товарищ полковник.

— Ну хорошо. Действуйте...

Побывав в трех артелях, Потапов начал думать, что полковник Астангов был прав, когда сомневался в необходимости розыска бухгалтера. В самом деле, на примере Вольского мог быть и подлинный бухгалтер, если из этого бухгалтера обнаружат, это ровно ничего не даст, а если бухгалтером назвался кто-то другой, то вряд ли его можно найти в артелях. Только две детали в конце концов склонили Астангова к решению провести поиск: а вдруг директор действительно укрался в артель? Если же нет в одной артели не окажется бухгалтера, который в minulый четверг был на приеме у Вольского, тогда можно сделать не очень твердые заключения, что на приеме у Вольского был тот, кого он ищет...

И вот Потапов еще в одной артели метал-ловедьян.

Он пришел в клеткушу, на дверях которой висела табличка: «Директор И. И. Пырьков». В большом шехе, а у него горного прутулазья, директорская клетушка, стоял какой-то прохот, что Потапов не знал, как вести разговор.

— Что у вас?— крикнул ему Пырьков.

Потапов молча представил директору свое удостоверение. Пырьков судорожно глотнул воздух и поблелел.

— Мне нужно поговорить с вашим бухгалтером,— склонившись через стол к самому лицу Пырькова, сказал Потапов.

— Он сейчас на обеде, но срывающимся голосом ответил Пырьков.

— Давно?

— Третий день... Но я все понимаю. Возможно, что нами допущена ошибка. Мы...

— Дайте мне его домашний адрес,— перебил директор Потапов.

— Сию минуточку!— Пырьков схватил со стола тетрадку, но руки его так тряслись, что он не мог открыть нужную страничку — Горная улица, дом двадцать. Прохор Анисимович Тюлев.— Пырьков встал.— Мне следовать за вами?

— Не надо. Сначала я поеду к товарищу Тюлеву,— еле сдерживая улыбку, сказал Потапов и быстро вышел.

Бухгалтер Тюлев, оказавшись совершенно здоровым человеком, рассказал Потапову о темных делничках директора артели и предупредил, что мастер Горбылев ходил куда-то жаловаться на директора. Именно поэтому Тюлев и решил «заболотелеть», боясь, что Пырьков заставит его оформлять незаконные документы, сорвать поиски подпольно.

— К кому ходил мастер Горбылев?

— Конечно, что пойдет к одному большому человеку.

— Горбылев сейчас в артели?

— Как в артели? Пырьков его уволил.

(Продолжение следует)

Студенты смеются

НА ЭКЗАМЕНЕ

- Сколько всего времен в английском языке?
- Шестнадцать,
- Прекрасно. Назовите их мне.
- Помаленька: первое, второе, третье, чет- вертое, пятое...

ОТ ЧИСТОГО СЕРЦА

- Почему вы, товарищи студент, то и дело вставляете в свою речь слова «нак бы», «так сказать»?
- А вы не рассердитесь, если я скажу правду?
- Нет.
- Чтобы отстутать было легче, если будет неправдиво.

ПОСЛЕ СЕМИНАРА

- Интересно у вас в группе проходит се- минарские занятия?
- Да, очень. Вильшица, до сих пор спорит.
- О чем спорит-то?
- Кому выступать в следующий раз...

НАХОДЧИВЫЙ СТУДЕНТ

- Что вам задать: один трудный вопрос или два легких?
- Один трудный.
- Где впервые появился человек?

Рис. Е. Ведерникова

- На Арбате.
- Почему на Арбате?
- А это, профессор, уже второй вопрос.

СОВЕТ

- Друщце, посоветуй, как мне телегра- фировать отцу о том, что я в третий раз про- валился на экзамене.
- Очень просто! Телеграфируй: «Экзамены окончились, ничего нового».

НА ПЛАНКЕ

- Ты почему не купилась?
- После планирования на экзамене у меня во- двоялся.

Собрал и записал студент
ВГИКа Ю. Панов.

Ошибка

В. БЕРЕСТОВ

Однажды он ошибку совершил,
Не знал, куда от критики
деваться,
И, дорожа спокойствием души,
Поспался никогда не ошибаться.
Боясь сплоскнуться, он замедлил шаг,
Ни рисковать, ни спорить
не решился.

А собственное мнение прятал так,
что вообще без мнения остался.

Он никому на свете не мешал,
Его встречали важливой улыбкой.
Ошибок он уже не совершал...
Вся жизнь его
Теперь была ошибкой!

Рисунки Е. Гурова.

Свадебный сюрприз

Фелетон

Еще совсем недавно, стоило только кому-нибудь вспомнить об Ионе Браузаусас, как Зосэ Циплюляйте восклицала: — Браузаусас! Этот специалист по гусям и курам!.. Нет, хотя у него и персональная «Победа», но он удивительно случайный!.. И вдруг ее отношение к Иону резко изменилось. Встрети однажды Браузаусаса на улице, Зосэ инто особенно приветливо улыбнулась ему.

Пашо весной и началом распределения выпускников в вузах. Хотя Зосэ, разумеется, не безразлично относилась к явлениям при- нуде, больше всего в эти дни ее волновало последнее обстоятельство. Дело в том, что Зосэ была, как говорится, без пяти минут врач. Ей предстояло выполнить лишь нове- каие, по ее выражению, формальности: сдать государственные экзамены и получить теменисионую книжечку с надписью «Диплом».

А дальше, что делать дальше? Зосэ при- нидывала в уме десяток вариантов. Квартиры одна мерчале другой выщлалы перед ее взо- ром. Вот ее направляют в какие-нибудь Пилпишинас. Там нет ни световой рекламы, ни театров. И Зосэ рассудила просто: лучшае место сплужного мука в Вильяносе, чем ехать в Пилпишинас.

Итак, отношение ее к Браузаусасу измени- лись. Что же касается обладательницы персональ- ной «Победа» (добавим: и новой квартиры Зосэ была единственной вещью, которая омрачала его существование.

Когда Зосэ придомоний подогнала направле- ние на работу в один не очень отдаленный район республики, она наотрез отказалась.

— Меня момент удручили только Вильяносе. Видите ли,—она с достоинством тряхнула чмопой лышкее волос,—я выхожу замуж. Браузаусасу она, разумеется, ничего не сказала об этом разговоре. А на его вопрос о назначении печально ответила:

— Наверное, придется ехать в эти несчаст- ные Пилпишинас.

— Что это, совсем неглгоко,—улыбнувшись, промине Браузаусас таиню тонюю, что Зосэ не лонлда, шутит он или говорит серьезно,

Вскоре сыграли свадьбу. За столом было шумно и весело. Браузаусас, вопреки утвер- ждениям его будущего зяени, оказался совсем не таким случайным. Он много шутил и с ра- достью встречал издос «Горько».

В разгаре веселья в соседней комнате за- звонил телефон. Браузаусас вышел, и в рас- плутытые двери до собравшихся донеслись обрывки его разговора.

— Спасибо, спасибо за поздравление. Нет, почему поздно... Ах, рашини... Вот и прекрас- ной... О, она, конечно, очень обаятельна.

Дополнил, он вернулся к столу.

— Другой! — сказал Браузаусас, наполяя сомна.— Я могу сообщить небольшую новость. Не в ближайшее время вы с Зосэ уезжаете... В ближайшие дни вы с Зосэ уезжаете.

— Кто-то заглоподирова, а сослуживца зюва приноу!

В данном случае необходим сугубый тост!

И с новой силой всплкнуло свадебное ве- селье.

На следующий день Браузаусас встал рано и сразу же ушел из дому. Зосэ одна совер- шила свой первый обход новой квартиры.

Квартира была большой, похорошеетней неизобитой. Теперь здесь должен быть на- стоящий уют. Вот в этой комнате надо устроить гостиную. Сюда перенести теле- фон. В ванной повесить зеркало... А эти сте- ны задрапировать коврами.

Вскоре вернулся Браузаусас. В руках у не- го был огромный дорожный чемодан.

Приветствуя зяени, он сказал:

— Собираться! — удивленно переспросила Зосэ.— Как так? Куда вы собираетесь?

— Насчит свадебного путешествия это я, разумеется, для чрпского слюнца... А в об- щем нам ведь споро действительно надо по- думать о сборах... Квартиру наду, наведе- ное, займет другой специалист по гусям-курам.

Новый заведующий отделом нашего мини- стерства.

— Квартиру? Наду? А как же мы?

— А нам дадут другую... в Пилпишинас.

— На этот раз было совершенно ясно: он гово- рил серьезно.

— Пилпишинас! — крикнула Зосэ.— Пил- пишинас!

— Конечно... Когда ты сказала, что тебе направляют туда, я решила, что нам не нуж- но ни на день разлучаться. Вот я и подат за- явление в район... Хотелось сделать тебе свадебный сюрприз... Вчера—ты, наверное, слышала наш разговор! — зювна сморчала райкома партии. Он сообщил, что просьба моя удовлетворена. Мы не рекомендуем пред- седателям колхоза.

— Какое счастье! — восклицанности, с трудом выдавила из себе:

— Пилпишинас!

— Да, врач там, говорит, крайне нуниан.

Зосэ потупилась и по инерции схвати- лась за стамперу. Стоявшая на ней фарфо- ровая ваза тоже потупилась...

г. Вильяносе.

Олег ХАНЕЕВ

Цена номера
2 руб.

